

2408

~~82~~
14

3444

801-13
2299

M 56
204

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

СКАЗКИ

(сочин. т. IV).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

Гр. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ.

СОЧИНЕНІЯ

Т. IV.

СКАЗКИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книга—первое, что я написал. Мнѣ казалось, что нужно сначала понять первоосновы—землю и солнце. И, проникнувъ въ ихъ красоту черезъ образный, простой и сильный народный языкъ, утвердить для самого себя—что да и что нѣтъ, и тогда уже обратиться къ человѣку, понять котораго безъ пониманія земли и солнца мнѣ не представлялось возможнымъ. Вѣренъ ли этотъ выбранный, быть можетъ безсознательно, путь—укажетъ дальнѣйшее. Землѣ посвящены сказки; солнцу—стихи.

Гр. А. Н. Толстой.

2011123825

СОРОЧЬИ СКАЗКИ.

✕

ВЪДЬМАКЪ.

На пнѣ сидитъ вѣдьмакъ, звѣзды считаетъ когтемъ—разъ, два, три, четыре... Голова у вѣдьмака собачья и хвостъ сзади.

..... Пять, шесть, семь... и гаснутъ синія звѣзды, а вмѣсто нихъ на небѣ показываются черныя дырки. Ихъ-то и нужно вѣдьмаку—черезъ дырки съ неба дождикъ льется.

А дождикъ съ неба—хмара и темень на землѣ.

Радъ тогда вѣдьмакъ: на деревню идетъ людямъ вредить.

Долго вѣдьмакъ считалъ, ужъ и мозоль на ногтѣ съла.

Вдругъ примѣтилъ вѣдьмака пьяненькій портной: ахъ ты, говоритъ, гадъ! и побѣжалъ къ мѣсяцу—жаловаться. Вылетѣлъ изъ-за сосенъ круглый мѣсяцъ, запрыгалъ надъ вѣдьмакомъ—не дасть сестричекъ-звѣздъ тушить. Нацѣлится вѣдьмакъ когтемъ на звѣзду, а мѣсяцъ, тутъ какъ тутъ, и заслонитъ.

Разсердился вѣдьмакъ, хвостомъ закрутилъ—мѣсяцъ норовитъ зацѣпить и клыки бскалиль, желтые.

Притихло въ лѣсу; а мѣсяцъ нацѣлился, да какъ хватить вѣдьмака по зубамъ...

Щелкнулъ собачьей пастью вѣдьмакъ, откусилъ половину у мѣсяца и проглотилъ.

Взвился мѣсяцъ ущербый, свѣту не взвидѣлъ, укрылся за облако.

А вѣдьмакъ жалобно завылъ, и посыпались съ деревьевъ листочки.

Въ животѣ прыгаетъ отгрызенный мѣсяцъ, жожеть; вертится юлой вѣдьмакъ, и такъ и сякъ—нѣтъ покоя...

Побѣжалъ къ тихой рѣчкѣ и бултыхнулся въ воду... расплескалась серебряная вода; легъ вѣдьмакъ на прохладномъ днѣ. Корчится. Подплываютъ русалки стайкой, какъ пескари, маленькія... Уставились, ша-рахнулись, подплыли опять и говорятъ:

— Выплюнь, выплюнь мѣсяцъ-то.

Понатужился вѣдьмакъ, выплюнулъ, повылъ немножко и подохъ.

А русалки ухватили голубой мѣсяцъ и принялись въ немъ жить.

На днѣ рѣчки стало свѣтло, ясно да весело.

А мѣсяцъ, что за тучей сидѣлъ, вырастилъ новый бокъ, пригладился и поплылъ между звѣздъ по синему небу.

Не впервые ясному бока выращивать.

✕
«ХОЗЯИНЪ».

Въ конюшнѣ темно и тепло, жуютъ сѣно лошади, стукнетъ по дереву подкова, цѣпь недоуздка зазвенитъ или скрипнетъ перегородка—караковый почесался.

Въ узкое окно влѣзаетъ круглый мѣсяцъ.

Лошади беспокоятся.

— Опять подглядываетъ мѣсяцъ-то,—ржетъ негромко вороной,—хоть бы козель пришелъ, все не такъ страшно.

— Козла «хозяинъ» боится,—увѣренно сказала караковый,—а мѣсяцъ самъ по себѣ, его не напугаешь.

— Куда это козель ушелъ?—спросила рыжая кобыла.

— На плотину, въ воду глядѣть,—отвѣтилъ вороной.

Кобыла храпнула:—Къ чему въ воду глядѣть, однѣ страсти.

— Козлу на все это наплевать,—заговорилъ опять караковый,—третьяго дня видѣлъ я его—стоитъ на плотинѣ, рога нагнулъ, съ водянымъ козломъ переглядывается; за этимъ и на плотину ходить.

— Страшно мнѣ,—зашептала вороной,—мѣсяцъ въ окно лѣзетъ. Схватить его развѣ зубами, а?

— Не трогай,—отвѣтилъ караковый,—захромаешь. Кобыла жалобно заржала.

Тихо; на сѣновалѣ возятся мыши.

Захрапѣль вдругъ, шарахнулся вороной, ногами за-
топаль.

— Смотрите, смотрите, мѣсяць-то,—зашепталь онъ,—
и рога у него, и глаза.

Дрогнуль караковый:—а борода есть?

— И борода, вѣнникомъ.

Караковый захрапѣль:—«Хозяинъ» это, берегись.

И вдругъ клубкомъ изъ окошка скатился въ стойло
вороному старичокъ и засмѣялся, заскрипѣль.

Вкопанный сталъ вороной, мелкой дрожью дрожить.

Рыжая кобыла легла со страха, вытянула шею.

Караковый забился въ уголь.

— Вороненькій, соколикъ, — скрипѣль «хозяинъ», —
гривку тебѣ заплету, боишься меня, а? А зачѣмъ козла
зваль, безъ него лучше... Не зови козла, не пугай ме-
ня...—и, съ вывертомъ, щипаль старичокъ «хозяинъ» во-
роного.

Вороной застональ.

— Стонешь, не нравится, а мнѣ козлиный духъ пра-
вится!.. Идемъ за мной.

Тихонько отворилъ дверь, повель за гриву вороного
«хозяинъ»—низенькій старичокъ на кривыхъ ногахъ.

— Голову-то не прячь,—скрипнулъ онъ и ущипнулъ
вороного за губу.

Вывель на дворъ, вспрыгнуль на холку, и помчался
въ поле.

Караковый подбѣжалъ къ окну.

— Ну и лупять... пыль столбомъ... подъ горку зака-
тились. Смотри-ка, смотри-ка. На горку вскакнули, стали;
«хозяинъ» вороному шею грызеть; лягается вороной;
поскакали прямо въ прудъ.

Въ конюшню вошелъ козель и почесался.

— Гуляешь,—крикнуль козлу караковый,—а вороного
«хозяинъ» гоняетъ.

— Гдѣ?—спросилъ козель басомъ.

— У пруда.

Опустилъ козель рога и помчался.

Бѣжалъ—вырасталъ, рога высоко тянулись.

Перебѣжалъ плотину, сталъ—словно гора, кудластый,
и пошелъ отъ козла смрадъ—въ пруду вода зашевелилась,
и отовсюду, изъ камышей, изъ-подъ ветель, повылѣзла
вся нечисть болотная, поползли по полю, гдѣ вороной
подъ «хозяиномъ» бился.

Заблеялъ козель.

И отъ этого «хозяинъ» на лошади, какъ листъ въ пау-
тинѣ, забился, ноги поджалъ.

Подползаютъ нечисть, блеетъ козель.

Побился, покружился «хозяинъ» и завяль, свалился
съ коня, ухватили его лапы, потащили въ прудъ. А воро-
ной, оттопыривъ хвостъ, помчался въ конюшню. При-
бѣжалъ въ мыль, захрапѣль, ухватилъ было сѣно зубами,
бросилъ и заржалъ на всю конюшню:

— И какъ только я живъ остался.

А, спустя время, пришелъ козель въ своемъ видѣ и
легъ въ сѣно.

— Ноги у меня отнялись,—стонала рыжая кобыла.

Караковый положилъ морду на шею вороному, а ко-
зель чесался—донимали его блохи.

Во льду дѣдь Семень бьетъ прорубь—рыбку ловить. Прорубь не простая—налажена съ умомъ.

Дѣдь обчертилъ пешней кругъ на льду, проколуपालъ яму, посрединѣ наладилъ изо льда же кольцо, а внутри ледъ до воды проткнулъ.

Хлынула въ прорубь спертая, студеная вода, до краевъ наполнила.

Съ водой вошли рыбки, снетокъ, малявка, ершики...

Вошли, поплавали, а назадъ нѣтъ рыбкамъ ходу—не пускаетъ кольцо.

Посмѣялся хитрости своей дѣдь Семень, приладилъ сбоку къ проруби канавку—сачокъ заводитъ и пошелъ домой, ждать ночи—когда и большая рыбина въ прорубь заходить на луну поглядѣть.

Убралъ дѣдь Семень лошадь и овцу—все свое хозяйство, и полѣзъ на печь.

Жиль дѣдь Семень вдвоемъ со старымъ котомъ на краю села въ мазанкѣ.

Котъ у дѣда подъ мышкой пѣсни запѣлъ, тыкался мокрымъ носомъ въ шею.

— Что ты, неугомонный,—спрашиваетъ дѣдь,—или мышей давно не нюхаль?

Котъ ворочался, старался выговорить на кошачьемъ языкѣ не понять что.

«Пустяки», думаетъ дѣдь; а сна нѣтъ какъ нѣтъ.

Проворочался дѣдь до полуночи; взялъ желѣзный фонарь, сачокъ, ведро, пошелъ на рѣчку.

Ночь какъ рѣшето, луна за небо зашла, свѣтитъ оттуда сквозь дырки.

Поставилъ дѣдь у проруби желѣзный фонарь, сталъ черенкомъ по льду постукивать:

— Ну-ка, рыбка, плыви на свѣтъ.

Потомъ разбилъ тонкій ледокъ, завелъ сачокъ, вытянулъ полный серебряной рыбешки.

«Что за диво», думаетъ дѣдь, «никогда столько рыбы не лавливалъ, да смирная какая, не плещется».

Завелъ и еще столько же вытянулъ. Глазамъ не вѣрить—намъ съ котомъ на недѣлю ѣдева не проѣсть.

Посвѣтилъ фонаремъ въ прорубь: видитъ на днѣ около кольца спитъ темная рыбина.

Распоясался дѣдь Семень, снялъ полушубокъ, рукава засучилъ, наловчился да руками подъ водой и ухватилъ рыбину.

А рыба хвостомъ не бьетъ, и жаберъ будто нѣтъ у нея—смирная.

Завернулъ дѣдь рыбу въ полу, подхватилъ ведро съ малявками, да домой...

— Ну, говорить, котище, поѣдимъ на старости до отвала, смотри, чего принесъ...

И вывалилъ изъ полы на столъ.

И на столѣ вытянула зеленый плесъ, руки сложила, спитъ русалочка, чернобровая, молоденькая.

Дѣдь къ двери, ведро уронилъ, а дверь забухла, не открывается...

Русалка все спитъ...

Обошелся дѣдь понемногу; подошелъ поближе, потро-

галь—не кусается, и грудь у нея дышитъ, словно бы у
человѣка.

А старый котъ рыбку разсыпанную не ѣсть, на русал-
ку смотреть, горятъ котовскіе глаза.

— Брысь ты, старый,—топнулъ ногой дѣдь,—замерз-
ла дѣвушка, въ водѣ зимой студено чай.

Набралъ дѣдь тряпья, въ углу на печкѣ гнѣздо устроилъ,
въ голова шапку старую положилъ, отнесъ туда русалку,
а, чтобы тараканы не кусали—прикрылъ рѣшетомъ.

И самъ на печку залѣзь, да не спится.

Котъ ходитъ, на рѣшето глядитъ.

Всю ночь проворочался старый; поутру скотину убралъ,
да опять къ печкѣ: спитъ русалка; котъ отъ рѣшета не
отходить.

Задумался дѣдь; сталь щи изъ снетковъ варить, гор-
шокъ валится, чаду напустилъ...

Вдругъ чихнуло...

— Котъ, это ты?—спрашиваетъ дѣдь.

Глянулъ подъ рѣшето, а у русалочки открытые глаза,
свѣтятся.

Пошевелила она губами:

— Что это ты, дѣдь, какъ чадишь, не люблю я чаду.

— А я сейчасъ,—заторопился дѣдь, окно поднялъ,

а горшокъ съ недоваренными щами вынесъ за дверь.

— Проснулась, а я тебя за щуку опознать,—смѣется
дѣдь.

Половина дня прошла, сидятъ дѣдь и котъ голодные.

Русалка говоритъ:

— Дѣдь Семень, я ѣсть хочу.

— А я сейчасъ, вотъ только,—дѣдь помялся,—хлѣ-

бецъ ржаной у меня, больше ничего нѣтъ.

— Я леденцовъ хочу,—говоритъ русалка.

— Сейчасъ я, сейчасъ...—Вышелъ дѣдь на дворъ и
думаетъ:

«Продамъ овцу, куда мнѣ овца, только даромъ жретъ,
куплю леденцовъ...»

Сѣлъ на лошадь, овцу черезъ шею перекинулъ, по-
скакалъ въ село.

Къ вечеру вернулся съ леденцами.

Русалка схватила въ горсть леденцовъ, да въ ротъ,
такъ всѣ и сѣбла, а, наѣвшись, заснула...

Котъ сидѣлъ на краю печки, злой, урчалъ.

Приходить къ дѣду внученокъ Оедька, говорить:

— Сплети, дѣдь, мочальный кнутъ...

Отказать нельзя; принялся дѣдь кнутъ вить, хотъ
и не забавно, какъ раньше бывало.

Глаза старые, за всѣмъ не углядишь, а Оедька на
печку, да къ рѣшету.

— Дѣда, а дѣда, что это,—кричитъ Оедька и тянетъ
русалку за хвостъ...

Русалка кричитъ, руками хватается за кирпичи.

— Ахъ ты, озорникъ!—никогда такъ не сердился дѣдь
Семень; отнял русалку, погладилъ, а Оедьку мочаль-
нымъ кнутомъ:—не балуй, не балуй...

Басомъ ревѣлъ Оедька.

— Никогда больше на свѣтъ къ тебѣ не приду...

— И не надо.

Замкнулся дѣдь, никого въ избу не пускалъ, ходилъ
мрачный; а мрачнѣе дѣда старый рыжій котъ...

— Охъ, недоброе котъ задумаль,—говорилъ дѣдь.

Котъ молчалъ.

А русалка просыпалась, клянчила то леденцовъ, то
янтарную нитку.

Надуетъ губу сквородникомъ:

— Хочу самоцвѣтныхъ камушковъ, чтобы изъ руки
въ руку пересыпать...

Нечего дѣлать, продалъ дѣдь лошадь, принесъ изъ
города сундучокъ камушковъ и янтарную нитку.

— Поиграй, золотая, посмѣешься...

Утромъ солнце на печь глядѣло, сидѣла русалка, свѣсивъ зеленый плесь съ печи, пересыпала самоцвѣты изъ ладошки въ ладошку, закидывая голову, смѣялась.

Дѣдъ улыбался въ густые усы, думаль:

«Вѣкъ бы на нее просмотрѣлъ».

А котъ ходилъ по пустому хлѣву и мяукалъ хриплымъ мявомъ, словно дѣтей хоронилъ. Потому прокрался въ избу, шерсть дыбомъ, глаза дикіе.

Дѣдъ лавку мыль; солнце поднималось, уходило изъ избу...

— Дѣдъ, дѣдъ!—закричала русалка—проруби крышу, чтобы солнце весь день на меня свѣтило.

Не успѣлъ дѣдъ повернуться, какъ, бокомъ, махнулъ котъ на печь, повалилъ русалку, искалъ усатой мордой тонкое горло.

Забилась русалка, вывертывается.

Дѣдъ на печь, оттащилъ кота.

— Удуши кота, удуши кота,—плачетъ русалка.

— Кота-то удушить,—говорить дѣдъ,—старого!..

— Онъ меня съѣстъ.

Скрутилъ дѣдъ тонкую бечевку, помазаль саломъ, ввязяль кота, пошелъ въ хлѣвъ.

Бечевку черезъ балку перекинулъ, петлю на кота надѣлъ.

— Прощай, старичокъ...

Котъ молчалъ, зажмурилъ глаза.

Ключъ отъ хлѣва дѣдъ бросилъ въ колодезь.

А русалка долго на этотъ разъ спала: должно-быть съ перепугу.

Прошла зима; рѣка разломала ледъ, два раза прорывала плотину, насилу успокоилась.

Зазеленѣла на буграхъ куриная слѣпота, запахло берегами, и дѣвушки у рѣки играли въ горѣлки, пѣли пѣсни.

Дѣдъ Семень окно раскрылъ; пахучій, звонкій отъ пѣсенъ вѣтеръ ворвался въ низкую избу.

Молча соскочила съ печки русалка, поднялась на рукахъ.

Глядитъ лиловыми глазами въ окно, не сморгнетъ; высоко дышитъ грудь.

— Дѣдъ, дѣдъ, возьми меня: я къ дѣвушкамъ хочу.

— Какъ же мы пойдемъ, зацплотъ насъ.

— Я хочу, дѣдъ, возьми меня.

Сѣла и заплакала.

Дѣдъ смекнулъ:

Положилъ русалку за пазуху, пошелъ къ дѣвушкамъ.

— Посмотрите-ка,—закричали дѣвушки,—старый прилепся...

Дѣдъ было барахтаться...

Ничего непомогло, въ уши пѣсни ему поють, за бороду тянуть.

Отъ пѣсней, отъ смѣха, закружилась стариковская голова:

А солнышко золотое, вѣтеръ степной...

И за самое сердце укусила зубами русалка стараго дѣда... впились...

Замоталъ дѣдъ головой, да къ рѣчкѣ бѣгомъ бѣжать...

А русалка просунула пальцы подъ ребра, раздвинула, вцѣпилась зубами еще разъ.

Заревѣлъ дѣдъ и палецъ съ крутого берега въ омутъ.

По ночамъ съ тѣхъ поръ выходитъ, надъ водой стоитъ сѣдая голова, мучаясь, открываетъ ротъ.

Да мало что наплести можно про стараго дѣда.

ПОЛЕВИКЪ.

На току, гдѣ рожь молотятъ,—ворохъ; ворохъ покрытъ пологомъ, на немъ роса. А подъ нимъ дѣвки спятъ.

Пахнеть мышами, и на небѣ стоитъ ясный мѣсяць.

По току шагаетъ длинный Полевикъ, весь соломенный, ноги тонкія...

— Ну, ну,—ворчить Полевикъ,—рожь не домолотили, а спятъ.

Подошелъ къ вороху, потянулъ за пологъ:

— Эй, вы, разспались, зоря скоро!

Дѣвки изъ-подъ полога высунули головы, шепчутъ:

— Кто это, дѣвоньки, или приснилось? Никакъ свѣтаеть скоро.

Дрожать съ холоду, просыпаются.

На хуторѣ за прудомъ кричатъ пѣтухи.

Къ молотилкѣ шагаетъ Полевикъ; подъ молотилкой, накрывшись полушубками, спятъ парни.

Постаскалъ съ нихъ Полевикъ полушубки:

— Вставайте, рожь не домолочена.

Парни глаза протирають...

— Свѣжо, ребята, ай, вставать пора...

На току ворошится народъ, натягивають полушубки да кацавейки, ищутъ кто вилы, кто грабли...

Холодѣеть мѣсяць.

А Полевикъ ужъ въ полѣ шагаетъ.

— Голо, голо,—ворчить Полевикъ,—скучно.

Ляжетъ съ тоски Полевикъ въ канаву; придетъ зима, занесетъ его снѣгомъ.

ДИКИЙ КУРЬ.

Въ лѣсу, по талому снѣгу идетъ мужикъ, а за мужикомъ крадется дикій курь.

«Ну», думаетъ курь, «ухвачу я его».

Мужикъ спотыкается, за пазухой булькаетъ у него склянка съ виномъ.

— Теперь,—говоритъ мужикъ,—самое время выпить, вѣрно?

— Вѣрно!—отвѣчаетъ курь...

— Кто это еще разговариваетъ,—спросилъ мужикъ и остановился.

— Я.

— Кто я?

— Курь.

— Дикій?

— Дикій...

— Къ чему же ты въ лѣсу?

Курь опѣшилъ:—Ну, это мое дѣло, а ты чего шляешься, меня беспокоишь.

— Я самъ по себѣ, иду дорогой...

— А погляди-ка подь ноги.

Глянулъ мужикъ,—вмѣсто дороги ничего нѣтъ, а изъ ничего нѣтъ торчитъ хвостъ пѣтушиный и лапа—курь глаза отвелъ.

— Такъ,—сказалъ мужикъ,—значить, приходится мнѣ пропасть.

Съль и началъ разуваться, снялъ полшубокъ.

Курь подскочилъ, кричить:

— Какъ же тебя, глупаго, загубить, очень ты покорный.

— Покорный,—засмѣялся мужикъ,—страсть, что хочешь дѣлай.

— Загубить тебя хочу.

— Ну и губи, на то ты и курь.

Курь убѣжалъ, пошентался, прибѣгаетъ и говорить:

— Давай лучше разговляться, подставляя шапку;—повернулся къ мужику и снесъ въ шапку яйцо.

— Отлично,—сказалъ мужикъ,—давно бы такъ.

Стали яйцо дѣлить, мужикъ говорить:

— Ты бери нутро,—голодно, чай, тебѣ въ лѣсу-то, а я шелуху пожую.

Ухватилъ курь яйцо и разомъ сглотнулъ.

— Теперь,—говоритъ курь,—давай вино пить.

— Вино у меня на донышкѣ, пей одинъ.

Курь выпилъ вино, а мужикъ снѣговой водицы хлебнулъ.

Охмелѣлъ курь, пѣсно завелъ—оретъ безъ толку...

Сигать сталъ съ ноги на ногу, шумъ по лѣсу поднялъ.

— Пляши и ты, мужикъ...

Завергѣлъ его курь, поддаетъ крыломъ, подь крыломъ сосной пахнетъ.

И очутился мужикъ у себя въ хлѣву на тепломъ назмѣ...

Пришла баба отъ заутрени...

— Это ты такъ, мужикъ, за виномъ ходилъ...

— Ни-ни,—говоритъ мужикъ,—маковой во рту не было, курь дикій меня путаль.

— Хорошо,—говоритъ баба и принесла кочергу...

— Ну-ка повернись, мужикъ, что это подь тобой?
Посмотрѣла—а подь мужикомъ лежать новенькіе чер-
вонцы и серебряный поясъ.

— Откуда это у тебя?

Сталь мужикъ думать:

— Курь меня шелухой кормиль...

— А поясокъ серебряный?

— Поясокъ, изъ ручья это курь меня поиль.

Поклонились мужикъ да баба лѣсу и сказали дикому
куру—спасибо.

ИВАНЪ ДА МАРЬЯ.

Десятая недѣля послѣ Пасхи—купальскіе дни.
Солнце самый пупъ земли печеть, и зацвѣтаетъ дивная
Польнь-трава. Въ озера, на самое зеленое дно, подь
коряги подводныя, подь тихія водоросли глядитъ огненное
солнце.

Негдѣ упрятаться русалкамъ-мавкамъ и въ тихіе
вечера, въ лунныя ночи уходятъ онѣ изъ водъ озерныхъ
и хоронятся въ деревьяхъ и зовутъ ихъ тогда древа-
ницами.

Это присказка, а сказка вотъ какая.
Жили-были братъ Иванъ да сестра Марья въ мазаной
хатѣ, на берегу тихаго озера.

Озеро тихое, а слава о немъ дурная.
Водяной шалить.

Встанетъ надь озеромъ мѣсяцъ, начнутъ булькать
да ухатъ въ камышинныхъ заводяхъ, захлопаютъ по
водѣ словно вальками, и выкатитъ изъ камышей на ду-
бовой корягѣ водяной, на головѣ колпакъ, тиной обмо-
танъ. Увидишь, прячяся—подь воду утянеть.

Строго братъ Иванъ наказывалъ сестрѣ Марьѣ:

— Отлучусь я, такъ ты послѣ сумерекъ изъ хаты ни
ногой, пѣсни не пой надь озерной водой, сиди смирен-
хонько!

— Слушаю-сь, братец!—говорит сестрица.
Ушел братец в темный лѣсъ, скучно сестрицѣ одной
за станкомъ сидѣть; подумала и заплѣла:

Всю-то ночку пряжу ткать,
Не съ кѣмъ дѣвушкамъ играть.
Ходитъ мѣсяцъ надъ водой,
Дѣдъ смѣется водяной.
На лугу трава растетъ,
Водяты мавки хороводъ.

Вдругъ стукнуло въ ставенку.

— Кто тутъ?

— Выдь къ намъ, милая,—отвѣчаютъ тонкіе голоса.
Выбѣжала сестрица и ахнула.

Отъ озера до хаты хороводы русалочки.

Русалки-мавки взялись за руки, кружатся, къ мѣ-
сяцу лица запрокинули, смѣются.

Всплеснула сестрица ладонями; куда тутъ, обступили
мавки, вѣнокъ надѣли...

— Къ намъ, къ намъ въ хороводъ, ты краше всѣхъ,
будь наша царица.

Вдругъ изъ камыша вылѣзла синяя раздутая голова,
въ колпакѣ.

— Здравствуй, Марья,—захрипѣлъ водяной,—давно я
тебя поджидалъ...

Поздно утромъ пришелъ братецъ Иванъ; туда, сюда—
нѣтъ сестрицы. А на берегу башмаки ея лежатъ и поясочекъ.

Сѣлъ братецъ и заплакалъ.

А дни идутъ, солнце ближе къ землѣ надвигается.

Настала купальская недѣля.

«Уйду,—думаетъ братецъ,—къ чужимъ людямъ вѣкъ
доживать, вотъ только лапти новые справлю».

Нашелъ за озеромъ липку, ободралъ, сплелъ лапти
и пошелъ къ чужимъ людямъ.

Шель, шель, видить стоитъ голая липка, съ которой
онъ лыки дралъ.

«Ишь ты, назадъ завернулъ», подумалъ Иванъ и
пошелъ въ другую сторону.

Кружилъ по лѣсу и опять видить голую липку.

— Навожденье,—испугался братецъ, побѣжалъ рысью.

А лапти сами на старое мѣсто загибаютъ...

Разсердился Иванъ, замахнулся топоромъ и хочеть
липку рубить. И говорить она человѣческимъ голосомъ:

— Не руби меня, милый братецъ...

У Ивана и топоръ вывалился.

— Сестрица, ты ли?

— Я, братецъ; царь водяной меня въ жены взялъ,
теперь я древяница, а съ весной опять русалкой буду...
Когда ты съ меня лыки дралъ, наговаривала я, чтобы
не уходилъ ты отсюда далеко, милый братецъ.

— А нельзя тебѣ отъ водяного уйти?

— Можно; найти нужно Польшь-траву на зыбкомъ
мѣстѣ и мнѣ въ лицо бросить.

И только сказала, подхватили сами лапти, понесли
братца по лѣсу.

Вѣтеръ въ ушахъ свиститъ, летятъ лапти надъ землей,
поднимаются, и вверхъ въ черную тучу мчится братецъ
Иванъ.

«Не упасть бы», подумалъ онъ и зацѣпился за сѣрую
тучу—зыбкое мѣсто.

Пошелъ по тучѣ—ни куста кругомъ, ни травинки.
Вдругъ зашевелился подъ ногами и быстро выскочилъ
мужичокъ съ локотокъ, красная шапочка.

— Зачѣмъ сюда пришелъ?—заревѣлъ мужичокъ, словно
быкъ, откуда голосъ взялся.

— Я за Польшь-траву,—поклонился братецъ.

— Дамъ тебѣ Польшь-траву, только побори меня
цыганской ухваткой,—говоритъ мужичокъ.

Легли они на спины, по одной правой ногѣ подняли, зацѣпились, потянули.

Силень мужичокъ съ локотокъ, а братцу лапти помагають.

Сталь Иванъ перетягивать.

— Счастье твое,—рычить мужичокъ,—быть бы тебѣ на седьмомъ небѣ, много я закинулъ туда вашего брата. Получай Полынь-траву.

Схватилъ траву, побѣжалъ внизъ братецъ, а мужичокъ съ локотокъ какъ зареветь, какъ загрохочеть и языкъ красный изъ тучи то метнеть, то назадъ втянеть.

Добѣжалъ до липки братецъ и видитъ: сидитъ на землѣ страшный дядя, усами водить...

— Пусти,—кричитъ Иванъ,—знаю, кто ты, не хочешь ли этого?—И ткнулъ водяному въ лицо Полынь-травою.

Вспучился водяной, лопнулъ и побѣжалъ ручьемъ быстрымъ въ озеро.

А братецъ въ липку бросилъ Полынь-траву, и, въ рубашкѣ, вышла изъ липки сестрица Марья, обняла брата, смѣется.

Избушку у озера бросили они и ушли за темный лѣсъ—на чистомъ полѣ жить, не разлучаться.

И живуть неразлучно до сихъ поръ и кличуть ихъ всегда вмѣстѣ—Иванъ да Марья, Иванъ да Марья.

БАШКИРИНЪ.

Въ пустынѣ снизу песокъ, сверху солнце.

Идетъ по песку верблюду на мягкихъ лапахъ, съ когтемъ, посматриваетъ—нѣтъ ли водицы гдѣ.

На верблюдѣ сидитъ косоглазый башкиринъ въ ушастой шапкѣ и поетъ тонкимъ голосомъ:

— Ей песокъ, да песокъ, а за пескомъ еще песокъ!

Вдругъ верблюду вытянуть шею и побѣжалъ...

«Пускай его бѣжить», подумалъ башкиринъ.

Верблюду остановился у блага камня.

«Шайтанъ знаетъ, откуда здѣсь бѣлый камень», думаетъ башкиринъ и видитъ: подъ камнемъ на войлокѣ лежитъ голый младенецъ.

Взялъ его на руки башкиринъ, смѣется младенецъ. А у него золотые зубы и хромая нога.

Понялъ башкиринъ, кого онъ на руки взялъ, упалъ лицомъ въ песокъ и лежалъ семь дней...

Поднялъ на восьмья сутки лицо, — кругомъ шумить трава, ключи бьютъ, стоитъ на лугу серебряный шатеръ, а вокругъ бараны золотые ходять.

Взошелъ башкиринъ въ шатеръ, въ шатрѣ на коврѣ лежитъ дивный младенецъ—страшный Чингизъ-ханъ...

Засмѣялся младенецъ, всталъ на коврѣ и говоритъ:

— Служи мнѣ, первый и вѣрный слуга мой!

И подаль башкирину острую саблю...

Поцѣловаль башкиринь саблю, сталь у шатра на стражѣ.

Немного времени прошло; пыль поднялась отъ степи до неба. Скачетъ мѣдный воинъ прямо на шатеръ, копье нагнуль. У воина птичья голова, у коня крылья...

Подскакаль воинъ, вступилъ съ башкириномъ въ бой, и снесъ ему голову башкиринь, саблю поцѣловаль и опять стоитъ на стражѣ.

Снова поднялась пыль, другой скачетъ воинъ, съ телячьей головой, у коня рога на головѣ.

И этому голову отрубилъ башкиринь и снова стояль у шатра.

И такъ наѣзжали воины числомъ двѣнадцать—со львиными, скорпионьими головами, и змѣиными, и бараньими, были и такіе, у которыхъ ничего не было—всѣмъ головы поотрубилъ башкиринь.

Тогда налетѣла свѣтлая туча, и выпадаетъ изъ нея бѣлый конь въ драгоцѣнномъ сѣдлѣ, на лукѣ луна горитъ.

Изъ шатра выходитъ Чингизь-ханъ, въ золотой кольчугѣ, съ неприкрытой головой, и отъ нея исходитъ такой свѣтъ, что снова палъ на лицо башкиринь и слышалъ гольсь...

— Спасибо тебѣ, первый и вѣрный слуга мой, побѣдилъ ты двѣнадцать страшныхъ враговъ, на остальныхъ теперь я самъ пойду...

Вскочилъ Чингизь-ханъ на коня, ударилъ плетью по крутымъ бедрамъ и ускакаль...

Очнулся башкиринь. Идетъ его верблюдъ на мягкихъ лапахъ съ котемъ... а самъ онъ сидитъ въ сѣдлѣ и въ рукахъ у него острая сабля, а на ней алмазъ горитъ какъ луна.

КАРТИНА.

Захотѣла свинья ландшафтъ писать. Подошла къ забору, въ грязи обвалялась, потерлась потомъ грязнымъ бокомъ о заборъ—картина и готова.

Свинья отошла, прищурилась и хрюкнула.

Тутъ скворецъ подскочилъ, попрыгалъ, попикаль и говорить:

— Плохо, скучно!

— Какъ? — сказала свинья и насупилась—прогнала скворца.

Пришли индюшки, шейками покивали, сказали:—такъ мило, такъ мило!

А индюкъ шаркнуль крыльями, надулся, даже покраснѣль и гаркнуль:—Какое великое произведение!..

Прибѣжалъ тощій песь, обнюхаль картину, сказалъ:

— Недурно, съ чувствомъ, продолжайте...—и подняль заднюю ногу.

Но свинья и не поглядѣла на пса даже.

Она лежала на боку, слушала похвалы и похрюкивала.

Въ это время маляръ пихнулъ ногой свинью и сталь заборъ красной краской мазать.

Завизжала свинья, на скотный дворъ побѣжала:

— Пропала моя картина, замазаль ее маляръ краской...
я не переживу горя!..
— Варвары... варвары...—закурлыкаль голубь.
Всѣ на скотномъ дворѣ охали, ахали, утѣшали свинью,
а старый быкъ сказалъ:
— Вреть она... переживеть.

ВОДЯНОЙ.

Лежить на возу мужикъ, трубочку посасываетъ—
продаетъ черного козла. А народу на ярмаркѣ труба
нетолченая.

Подходить къ мужику съдой старецъ, кафтанъ на
немъ новый, а полы мокрешеньки.

— Ишь, угораздило тебя на сухомъ мѣстѣ измо-
читься,—сказаль мужикъ.

Поглядѣль старецъ исподлобья и спрашиваетъ:

— А ты пустяки не говори; продажный козель-то?

— Не для себя же я козла привель; продажный.

Сторговались за три рубля, старикъ увель козла,
а мужикъ принялся въ кисеть деньги совать, видитъ—вмѣсто
трешницы—лягушья шкурка.

— Держи его, православные!—закричалъ мужикъ,—
водяной по ярмаркѣ ходить!

Собрался народъ; стали шумѣть, рукавицами махать;
мужика на съѣзжую повели; поскли; и пошелъ мужикъ
въ сумерки домой, а дорога—лѣсомъ. Луна надъ дорогой
встала. И видитъ мужикъ—идеть его козель, крутые рога
опустиль, топаетъ ножками, а на немъ, верхомъ, чучело
сидитъ зеленое, рачьи у чучела усы, растопыркою, а глаза
плошками.

Проѣхало чучело, ухватило лапой мужика, посадило съ собой рядомъ; помчались къ озеру, да съ кручи вмѣстѣ—прыгъ въ воду, очутились на зеленомъ днѣ.

— Ну, — говорить чучело, — смѣяться теперь надо мной будешь?

— Нѣтъ ужъ, теперь мнѣ, батюшка водяной, не до смѣху.

— А чѣмъ ты себя можешь доказать?

— Мы народъ рабочій, — ствѣчаетъ мужикъ, — поработаю на тебя.

— А что дѣлать умѣешь?

— Не ученые мы, батюшка водяной, только баклуши и бьемъ.

— Хорошо, — говорить водяной, — бей баклуши... — и ушелъ.

Сталъ мужикъ баклуши бить, самъ плачетъ, рыдаетъ. Много набилъ, цѣлую кучу.

Пришелъ водяной и удивился:

— Что это ты вытворяешь?

— Баклуши бью, какъ вы приказали.

— А на что мнѣ баклуши?

Почесалъ мужикъ спину:

— Ложки изъ нихъ дѣлать.

— А на что мнѣ ложки?

— Горячее хлебать.

— Ахъ ты, мошенникъ, да вѣдь я одну сырую рыбу ѣмъ, опять ты надо мной смѣешься!

Сильно разсердился водяной; шелкнулъ мужика по маковкѣ и обернулъ его въ ерша.

Потомъ усы раздвинулъ, ротъ раскрылъ и проглотилъ ерша. А мужикъ, хоть и въ ерша перевернулся, и тутъ угодить не могъ: сталъ водяному поперекъ горла щетиной.

Закашлялъ водяной, задавился, вытащилъ ерша и выкинулъ его изъ воды на берегъ. Отдышался мужикъ, потомъ всталъ на ноги, въ своемъ видѣ, почесался и сказалъ:

— Ну да, оно вѣдь это, тоже, не легко, съ крестьянствомъ-то.

ЗВѢРИНЫЙ ЦАРЬ.

У сосѣда за печкой жиль мужичокъ съ локотокъ.

Помогаль сосѣду кое-чѣмъ, а ночью, со скуки, ловиль таракановъ. Плохое житье на чужихъ хлѣбахъ.

Взяла мужичка тоска, пошелъ въ клѣтъ, сидѣть, плачетъ. А изъ норы въ углу высунулась мордочка и повела поросячьимъ носомъ.

«Анчутка безпятый», подумалъ мужикъ и обмеръ.

Вылѣзъ анчутка, ухо наставилъ и говорить:

— Здравствуй, кумъ!

«Какой я ему кумъ», подумалъ мужичокъ и, на случай, поклонился.

— Окажи, кумъ, услугу, — опять говорить анчутка, — достань золы изъ-подъ печки; мнѣ черезъ порогъ перейти невозможно, а золой буду тещу лечить — плоха, обѣллась мышами.

Мужичокъ сбѣгалъ, принесъ золу, анчутка благодарить началъ:

— За службу вспылю я тебѣ казны, сколько въ шапку влѣзеть.

— На что мнѣ казна, — отвѣчаетъ мужикъ, — вотъ бы силой поправиться!

— Это дѣло пустое, попроси звѣринаго царя...

И рассказалъ анчутка, какъ къ звѣриному царю по-
пасть и что говорить нужно, а самъ пропалъ.

Мужичокъ подумалъ и полѣзъ въ ту же нору...

Темно въ норѣ, сыро, мышами пахнетъ. Дверцу нашупалъ, понатужился мужичекъ и полетѣлъ, куда не знаетъ, въ тартарары.

Упалъ въ тартарары, видѣть — вода бѣжить, и привязанъ у берега лапотъ, вмѣсто лодки.

Слѣлъ мужичокъ въ лапотъ, отпихнулся и завертѣлся, помчался — держи шапку.

Надъ головой упыри летаютъ, изъ воды смотритъ поганый ящуръ...

Вдругъ загорѣлся свѣтъ, рѣка ушла внизъ, мужичокъ на траву выпрыгнулъ и пошелъ на ясное мѣсто. Видитъ, высоченное дерево шумитъ и подъ нимъ, на семи шкурахъ, сидитъ звѣринный царь.

Вмѣсто рукъ у царя лопухи, ноги вросли въ землю, на красной мордѣ двѣ тысячи глазъ.

А кругомъ звѣри, птицы и все что есть на землѣ живого — сидятъ и на царя посматриваютъ. Увидаль мужика звѣринный царь и закричалъ:

Я мушинный царь,
Лопушинный царь,
Я пчелиный царь,
Я звѣринный царь...
Чего тебѣ надо?

Подошелъ мужичокъ, кланяется:

— Силешки бы мнѣ, батюшка звѣринный царь...

— Силу или половину?

— Осьмухи хватить.

— Полѣзай ко мнѣ въ брюхо!

И разинулъ царь ротъ, безъ малаго съ лукошко.

Влѣзь мужичонка въ звѣриный животь, притулился, пуповину нашель, посасываетъ.

Три дня сосаль.

— Теперь выльзай,—зоветъ звѣрь,—чай ужъ насосался.

Вылѣзь мужичокъ, да ужъ не съ локотокъ, а красавецъ—косая сажень въ плечахъ, бровья брови, черная борода.

— Доволенъ?—спрашиваетъ царь...—Выйдешъ на волю, поклонись чистому полю, солнцу красному, всякому жуку и скотинѣ.

И дунуль. И подхватили мужика четыре вѣтра, вынесли къ мосту, что у родного села.

Солнце за горку садится, стадо гонять, идуть дѣвки...

Подбоченился мужикъ и крикнулъ:

— Эй, красавицы, узнаете меня?

Дѣвки смѣются, переглядываются.

А мужикъ тряхнулъ кудрями:—Теперь,—говорить,—пирь горой, посылай за свахой. Я теперъ самого звѣринаго царя меньшей сынъ.

КИКИМОРА.

Надъ глинянымъ яромъ—избушка, въ избушкѣ старушка живеть и двѣ внучки; старшую зовуть Моря, младшую Былинка.

Русую голову свѣсила съ печки, не спить Моря.

Вдругъ дверь въ избушку отворилась, вошла лохматая баба, вынула Былинку изъ люльки и въ дверь—и была такова.

Заплакала Моря.

— Бабынька, бабынька, Былинку страшная баба унесла...

А была та баба—кикимора, что крадетъ дѣтей и въ люльку подкладываетъ вмѣсто нихъ полѣно.

Бабушка—искать поискать, да знать кикимора подъ яръ упала, въ омутъ зеленый.

Тоскуеть бабушка день и ночь, плачетъ старушечьими слезами. И говорить ей Моря:

— Не плачь, бабушка, я сестрицу отыщу.

— Куда тебѣ, ягодка, сама только пропадешъ, для кого я жить стану?

— Отыщу да отыщу,—твердитъ Моря; и разъ, когда луна встала надъ яромъ, Моря выбѣжала, крадучись, изъ избы и пошла, куда глаза глядятъ.

Идет попрыгиваетъ съ ноги на ногу, и видить—стоитъ надъ яромъ дубъ, а вѣтки у дуба ходуномъ ходить. Подошла ближе, а изъ дуба борода торчить и горять два зеленыхъ глаза...

— Помоги мнѣ, дѣвочка,—кряхтитъ дубъ,—никакъ не могу нынче въ лѣшаго обратиться, опояшь меня пояскомъ.

Сняла съ себя Моря шелковый поясокъ, опоясала дубъ. Запыхтѣло подъ корой, завозилось, и всталъ передъ Морей, вмѣсто дуба, старый лѣшій...

— Спасибо, дѣвочка, теперь проси, чего хочешь.

— Научи, дѣдушка, гдѣ сестрицу отыскать: ее злая кикимора унесла.

Почесалъ лѣшій затылокъ...

А какъ начесался—придумалъ.

Вскинулъ Морю на плечи и побѣжалъ подъ яръ, вперёдъ пятками.

— Садись за кустъ, дѣвочка, жди,—сказалъ лѣшій, и на берегу омута обратился въ корягу; а Моря спряталась за его вѣтку.

Долго ли такъ, коротко ли, замутился зеленый омутъ, поднялась надъ водой косматая голова, фыркнула, поплыла, и вылѣзла на берегъ кикимора. На каждой рукѣ ея по пяти большоголовыхъ игошей и еще одинъ за пазухой.

Съла кикимора на корягу, кормить игошей волчьими ягодами. Игоши ѣдятъ, ничего, не даются.

— Теперь твоя очередь,—басомъ сказала кикимора и вынула изъ-за пазухи ребеночка.

— Былинка!—чуть не закричала Моря.

Смотрить на мѣсяцъ, улыбается блѣдненькая Былинка, сосеть лохматую кикиморину грудь.

А лѣшій высунулъ сучокъ корявый да за ногу кикимору и схватилъ...

Хотѣла кинуться кикимора въ воду, никакъ не можетъ:

Игоши рассыпались по травѣ, ревуть поросычьими голосами.

Моря схватила Былинку—и подавай Богъ ноги.

— Пусти, лѣшій, дѣвчонку я догону,—взвыла кикимора.

Стучить сердце; какъ вѣтеръ летить Моря; Былинка за шею держитъ...

Уже избушка видна... добѣжать бы...

А сзади погоня, мчится кикимора, разметала сѣдые космы.

— Бабушка!—закричала Моря...

Вотъ, вотъ хватить ее цѣпкая лапа...

И запѣлъ пѣтухъ: «кукуреку, уползай, ночь, уводи нечисть!»

Осунулась кикимора, остановилась и разлилась туманомъ, подхватилъ ее утренній вѣтеръ, унесъ за оврагъ.

Бабушка подбѣжала, радовалась...

А изъ яра хлопалъ деревянными ладошами, смѣялся лѣшій.

ПРОКЛЯТАЯ ДЕСЯТИНА.

Клонить вѣтеръ шелковыя зелена, солнце въ жаворонковомъ свистѣ по небу летить, и отъ земли идетъ крѣпкій, ржаной духъ.

Одна только невсхожая полоса съ бугра въ лоцину лежитъ черной заплатой—десятина бобыля...

У десятины стоитъ бобыль, и треплетъ вѣтеръ непокрытую его голову.

— Эхъ,—говоритъ бобыль,—третій годъ меня мучаешь, проклятая!—Плонуль на свою родную землю и пошелъ прочь.

Подслушалъ ли бобыля чортъ или его кума, что, во всякую пору, бѣгаетъ по степи то мышью, то тушканчикомъ, только въ четвергъ, послѣ дождя, встрѣчаетъ бобыля шаберъ и кричитъ:

— Ну, братъ, и зелена же у тебя, всѣ диву даемся, уже заколосятся...

— Но!—сказаль бобыль...

Выпустили зелена трубку, распахнули подъ солнцемъ листь, и зашумѣлъ усатый пшеничный колось.

На чудо не надивуется бобыль, а кошки сердце поскребываютъ—зачѣмъ проклиналъ родную землю.

Урожай собралъ бобыль самъ-тридцать; изъ пудовыхъ

сноповъ наколотилъ янтарнаго зерна, и муку смолоть, и замѣсилъ изъ перваго хлѣба квашню, и легъ подремать на лавкѣ...

А ночь осенняя бушевала ледянымъ дождемъ, хлопали наотмашъ ворота, и выль въ трубѣ вѣтеръ.

Въ полночь поднялъ бобыль голову и видитъ—валить изъ квашни дымъ; надувшись слетѣла покрывка, и поползло черезъ края проклятое тѣсто, разсыпалось на полу землей...

Смекнулъ бобыль, что съ мукой-то не ладно, повезъ мѣшки въ городъ прямо къ старому пекарю...

Муку продалъ, деньги зашилъ въ шапку; потомъ шапку распродалъ и деньги всѣ пропилъ; и, когда домой собрался, не было у него ни денегъ, ни подводы, однѣ шишки на головѣ да разбитый носъ...

Пекаръ же замѣсилъ изъ муки кренделя; поставилъ въ печь и, когда пришло время—вытащилъ на лопатѣ не поджаренные кренделя, а такія завитушки и шевырюшки, что тутъ же лишился старыхъ своихъ ногъ и послалъ жену къ дворянину продать муку за сколько дастъ.

Дворянинъ сидѣлъ въ саду, одной рукой держаль наливное яблочко, другой гусинымъ перомъ писалъ.

— Что тебѣ, милая?—сказаль дворянинъ тонкимъ голосомъ, прищурилъ одинъ глазъ, потомъ другой и, закативъ оба, засвисталь...

— Насчетъ пшеничной муки, — сказала пекарева жена,—старикъ-то мой больно плохъ...

Купилъ дворянинъ въ долгъ проклятую муку и пригласилъ дворянскихъ дѣтей пирожки съ вареньемъ кушать.

Подъ сиреневымъ кустомъ съли дворянскія дѣти, взяли каждый по пирожку и откусили, а въ пирожекѣ лапти мужицкіе внутри, старья онучи да щепки.

Побросали дворянскія дѣти пирожки и подали на дворянина въ судъ.

Судъ присудилъ садъ у дворянина отнять и самого лишити званія.

Прослышалъ про все это король — веселый человекъ, велѣлъ дворянину притти, и двоимъ другимъ, и муку принести...

И встали передъ свѣтлыя очи: дворянинъ, пекаръ, и бобыль... Бобыль какъ всталъ, такъ и глаза разинулъ и правой ногой почесалъ лѣвую...

Король засмѣялся и велѣлъ мудрецу читать книгу...

Мудрецъ прочелъ все какъ было и говорить:

— Бобыль всему причиной...

Тутъ король вскочилъ и велѣлъ мужика отвести вмѣстѣ съ мукой на проклятую десятину, чтобы все пріѣлъ... Такъ и сдѣлали... Посадили бобыля посреди его земли и ковшемъ въ разинутый ротъ стали муку сыпать; три раза попросилъ бобыль водицы и все пріѣлъ...

Пріѣлъ, и распучило. Руки растопырились и одервенѣли, черезъ колѣни на землю поплылъ животь, и полѣзли изъ бобыля шипы, а волосы стали дыбомъ, какъ рѣпей.

Кругомъ бобыля поросъ густой и непролазный бурьянъ по всей десятинѣ.

И, долго спустя, слышали въ колючихъ поросляхъ— жевало и ухало; то, сидя на землѣ, ѣлъ и проѣсть не могъ проклятую муку проклятый бобыль.

ИВАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ И АЛАЯ-АЛИЦА.

Скучно стало Ивану-царевичу, пріѣлись медовые пряники, мамки да дядьки голову только морочать, и взялъ онъ у матушки благословеніе въ лѣсъ на охоту пойти.

Надѣлъ красный кафтанъ, взялъ самострѣль и пошелъ въ старый страшный лѣсъ.

Настала зимняя ночь.

Выглянулъ изъ-за сосенъ синій мѣсяцъ, свѣтло какъ днемъ; по спѣлому снѣгу морозъ потрескиваетъ.

Откуда ни возьмись, выскочилъ заяцъ; наложилъ Иванъ-царевичъ стрѣлу, а заяцъ обернулся клубкомъ и покатился. Иванъ-царевичъ за клубкомъ бѣгомъ побѣжалъ.

Летитъ клубокъ, хруститъ снѣжокъ, и разступились сосны, поляну открыли, а на полянѣ стоитъ бѣлый теремъ, на двѣнадцати башняхъ двѣнадцать головъ медвѣжьихъ... Сверху мѣсяцъ горитъ, переливаются стрѣлчатая окна.

Клубокъ докатился, лунь-птицей обернулся, сѣлъ на воротахъ. Испугался Иванъ-царевичъ—вѣщую птицу застрѣлить хотѣлъ; снялъ шапку:

— Прости глупость мою, лунь-птица, невдомекъ мнѣ, когда ты зайцемъ бѣжалъ.

— Меня Алая-Алица, ясная красавица, жижова плѣнница за тобой послала,—говоритъ лунь-птица,—давно стережетъ ее страшный жижъ, стосковалось красавицѣ, хочется по зеленому лужку пройтись.

— Войди, Иванъ-царевичъ,—жалобно прозвенѣлъ изъ терема голосъ.

По ледяному мосту пробѣжалъ, распахнулъ ворота Иванъ-царевичъ; оскалились медвѣжьи головы.

Вышибъ ногой дверь въ свѣтлицу; на нетопленной печуркѣ сидитъ жижъ, голова мѣдная, оловянные глаза.

— Ты зачѣмъ объявился? или двѣ головы на плечахъ? сейчасъ порѣшу...—зарычалъ жижъ.

Прицѣлился Иванъ-царевичъ и вогналъ стрѣлу золотую между глазъ старому жижу.

Упалъ жижъ, дымъ повалилъ у него изо рта, заклобылось, лизнуло красное польмя и поняло теремъ. Иванъ-царевичъ въ свѣтлицу побѣжалъ; у окна, серебряными цѣпями, прикована сидитъ Алая-Алица, плачетъ... Разрубилъ цѣпи, взялъ на руки царевну и выскочилъ въ окно съ ней Иванъ-царевичъ...

Рухнулъ зимній теремъ и облакомъ поднялся къ синему небу. Сбѣжалъ снѣгъ съ поляны, звѣзды голубыя, алыя, золотыя попадали изъ синяго неба, зацвѣли цвѣтами; распустились на деревьяхъ клейкіе листья.

И захлопала въ ладошки Алая царевна, ухватила за руки Ивана-царевича, закружила по лугу.

Откуда ни возьмись прибѣжали тоненькія, синія еще отъ зимняго недоѣда, русалки-мавки, закачались на деревьяхъ, пришелъ журавль на одной ногѣ; закуковала кукушка; лѣшіе въ деревянныя ладоши захлопали, позыкъ аукался.

Шумъ, гамъ, пѣніе птичье...

И по синему небу раскатился, загрохоталъ веселый апрѣльскій громъ.

И узнали всѣ на свѣтѣ, что Иванъ-царевичъ справляетъ свадьбу съ Алой-Алицей, весенней царевной.

СМИРНЫЙ МУЖЬ.

Некому Кузьмѣ портки простирнуть, голова еще лѣтось чесана, одному на печи лежать скучно—горе, а не житье.

И надумалъ Кузьма жениться, а, надумавши, купилъ у цѣловальника новую шапку, сѣлъ дома на лавку и думаетъ:

«А на кой шуть мнѣ шапка?»

Въ это время мимо окна проходила сваха.

— Что это, Кузьма, у тебя новая шапка, неужто жениться надумалъ?—спросила сваха и вытерла платочкомъ ротъ.

— Ага,—сказалъ Кузьма,—это самое.

Сваха влетѣла въ избу, разслѣся и затараторила.

— И невѣста есть, и что это за невѣста, толстая, да двѣ у нея шубы и сама косить будто мужикъ.

— Толстая?

— Вотъ, разорви меня, какъ корова.

Кузьма надѣлъ шапку, потомъ снялъ и сказалъ:

— Ну, если такъ, валяй.

Сваха собралась и на кузьмовой лошади уѣхала сватать, а Кузьма сталъ гулять и вино пить.

Пришелъ народъ на свадьбу, на кузьмовъ дворъ,

потчуютъ каждого стаканомъ зеленого вина, а женихъ съ невѣстой сидятъ, молчатъ въ красномъ углу, не пьютъ и не ѣдятъ; Марья въ кичкѣ, а Кузьма глядитъ на нее и дивится, очень она красивая и толстая, только каменная, хоть бы пошевелилась:

— Что же ты, жена,—говоритъ Кузьма,—слова не молвишь.

Подняла Марья глаза, и вдругъ изъ-подъ кички потянулись щеки, въ рыжей шерсти, глаза разбѣжались въ сторону и выскочили сверху два крупные рога—коровья у Марьи голова.

— Кузьма руками заболталъ, норовитъ изъ-за стола выскочить...

— Что это ты, Кузьма,—кричатъ гости,—въ вино видно белены что ли подсыпалъ, ну-ка поцѣлуй молодуху.

И пришлось Кузьмѣ лѣзть съ коровьими губами цѣловаться; только обнялъ онъ рыжій загривокъ рукой—сидитъ Марья въ своемъ видѣ.

Прошибъ Кузьму потъ...

А гости, выпивъ все вино, пошумѣли, подрались немного и за шапки, выволокъ свать за ноги пьяныхъ, а молодые, оставшись одни, полѣзли на печь.

Легъ Кузьма съ такой толстой бабой, про всякую коровью голову забылъ и потянулся къ молодухѣ шептаться.

А Марья привстала да Кузьму въ бокъ рогами и боднула...

Закричалъ Кузьма, а она съ другой стороны... Тогда сталъ онъ ласково ее допрашивать—съ чего такая у нея привычка.

— Вы нашего брата, женщинъ, всегда обижаете,—говоритъ Марья,—такъ я за всѣхъ отплачу...

Привскочила и такъ стукнула рогами Кузьму, пока-тился онъ съ печи, да въ дверь, какъ былъ—въ рубашкѣ,

безъ пояса, въ чулочкахъ безъ сапоговъ, на улицу вылетѣлъ и вдоль порядка побѣжалъ, ухватясь за бока...

На концѣ деревни пьяные мужики шумятъ и свѣтитъ ущербый мѣсяць.

Добѣжалъ Кузьма до пруда, сѣлъ въ талы и глядитъ въ воду, а изъ воды лѣзетъ къ нему съ рогами мѣсяць—вотъ боднетъ...

Ахнулъ Кузьма, некуда бѣжать, на концѣ мужики побьютъ, одно мѣсто къ мельницѣ...

Мельница съ одной стороны черная, а другой бокъ ясный, два крыла въ тѣни, а два, какъ рога, и хотятъ Кузьму ткнуть...

Упалъ Кузьма, шапкой закрылся и подходитъ къ нему Марья; Кузьма и закричалъ.

— Виновать, виновать,—а въ чемъ виновать—самъ не знаетъ—такой на него страхъ напалъ.

Боднула его Марья для вида; луна за облака ушла, мельница завертѣлась, а Марья взяла Кузьму за бѣлые руки и увела спать на печку.

Съ тѣхъ поръ развелись смирные мужья.

СТРАННИКЪ И ЗМѢЙ.

Къ вечеру, когда багряное солнце садилось за мерзлымъ бурьяномъ, скригѣли журавли у колодцевъ, а вдова Акулина пѣла у окошка пѣсно горемычную, прошелъ по деревнѣ странникъ. Полушубокъ на немъ мятый, изъ дыръ овчина торчитъ, шапка многолѣтняя, лыковая котомка за плечами.

Ни молодъ странникъ, ни старъ, а взглянешь на него—весело на сердцѣ: подъ усами умильная улыбка, глаза сѣрые, ласковые и смѣшливые, такъ вотъ чудится—скажетъ сказку—старики вздохнуть, старья бабы прольютъ слезу, а парни да дѣвушки пойдутъ цѣловаться—естъ сказки такія на крещеной Руси.

Подходить странникъ къ Акулиному двору, шапку снялъ, ласково говорить:

— Скучно тебѣ, милая.

Увидала странника Акулина, всплеснула руками:

— Сердечный, странникъ Божій, взойди, пожалуйста.

Взошелъ странникъ, угощаетъ его вдова; а сама пытается—откуда, да куда, горе видѣлъ ли, да много ли, не слыхалъ ли про счастье: лежить, говорятъ, оно въ океанѣ, подъ горячимъ камнемъ.

Наѣлся, напился странникъ, ложку положилъ и спрашиваетъ.

— Ну, а ты, милая, какъ — маешься?

Акулина и заголосила:

— Такая маета, сказать не можно; сушить бѣлое тѣло, сосеть сердце, всѣ ночи глазъ не смыкаю; а въ полночь свистнетъ надъ крышей, разсыпется искрами и влетитъ на дворъ змѣй, такой любезный — сказать невозможно...

Улыбаются странникъ, свѣтятся глаза его.

— Силенъ твой врагъ, Акулина, трудно отъ него освободиться. Да ты хочешь ли сама-то его отогнать?

Забилась Акулина на лавкѣ.

— Не пытай, страшно мнѣ, странникъ, ночь придетъ, сама ко врагу потянусь, а днемъ руки бы на себя наложила.

Погладилъ по головѣ странникъ, поглубилъ Акулину, затихла молодая баба.

— Тетенька Акулина, — позвалъ въ окно дѣвичей голосокъ, — на посидѣлки тебя кличуть, пойдешь?

А потомъ, видно, поглубже заглянулъ любопытный глазъ — на то онъ и дѣвичий:

— Ты и странника приводи, сказку скажеть!

Разсмѣялась бисеромъ, и убѣжала, а странникъ говорить:

— Что же, Акулина, пойдѣмъ, куда зовуть.

Ушла Акулина за перегородку прибираться, а странникъ у окна запѣлъ на тонкій голось:

Снѣга, снѣга глубокіе,
Поля, поля широкія,
Моря, моря далекія...
А горе, что песчинка
И стонетъ сиротинка.
Снѣга пройдетъ и горе съ нимъ,
Моря пройдетъ и горе съ нимъ.

Эхъ, есть отъ стужи — печь,
На алое дѣло — мечъ.
Отъ зноя — въ травы лечь,
А горе, что песчинка,
И стонетъ сиротинка.

Вдыхаетъ Акулина за перегородкой; нарядилась, сержки подвѣсила; странникъ усмѣхнулся...

— Ишь ты, у змѣя-то губа не дура.

— Одна моя радость, наряжусь да поплачу; ужъ больно жалобно поешь ты, странникъ.

Пришли на посидѣлки.

А тамъ народу набилось, что грибовъ въ лукошко; тренькаютъ на балалайкѣ, подплясываютъ, подгѣваютъ, и въ снѣгахъ, и на лавкахъ, и на печи понабились — вездѣ народъ.

Странника обступили, глядятъ, просятъ:

— Спой намъ, странничекъ.

Странникъ улыбается, сѣлъ у двери и запѣлъ опять:

Снѣга, снѣга глубокіе,
Поля, поля широкія...

Одну только пѣсню и зналъ странникъ.

Пригорюнились дѣвицы, подсѣли къ парнямъ, думаетъ каждая про каждого — онъ-то, моль, сиротинка и есть горемычная, кудри парнямъ глядятъ, до слезъ прибираютъ жалостью...

Парни рады: загубилъ, моль, меня батюшка, родила не въ добрый часъ матушка.

Такъ-то разсѣлись парами — шопотъ, шушуканье въ душевной избѣ; одна Акулина безъ друга, словно кусть обкошенный. Сдвинула брови, бѣлая, какъ кипень, стоитъ посреди избы, подъ сарафаномъ грудь ходуномъ ходитъ.

— Акулина, Акулина, обойдись, — говоритъ странникъ.

У Акулины глаза, какъ озеро, темные; дрожитъ мелкой дрожью.

И вдругъ просвистѣлъ за окномъ змѣиный свистъ.

Дрогнула Акулина и къ двери.

— Не ходи, Акулина!

— Пусти!

Выскочила на улицу; странникъ за ней, и спрятался въ сѣняхъ. Стала Акулина посреди двора, и говоритъ:

— Лети... лети, заждалась я.

И со свистомъ, какъ отъ тысячи птицъ, закружился надъ дворомъ, раскинулъ мышинья крылья, опустился чернѣй двухвостый змѣй на бѣлый снѣгъ.

Встала на лапы, лебединую голову протянула къ Акулинѣ, чтобы погладила; языкомъ—облизнула ей бѣлое лицо.

А странникъ подкрался, оттолкнулъ Акулину, да змѣя по головѣ поясомъ какъ хватить.

Взметнулся змѣй и разсыпался пшеничнымъ зерномъ, а странникъ пѣтухомъ обернулся—зерно клевать.

Да не дала ему, упала на пѣтуха Акулина, ухватила за крылья, зерна собрала, и въ избу кинулась...

— Что ты, Акуля, иль вино пила, красная какая,—засмѣялись дѣвушки.

— Погадать хочу.

Положила на столъ два пшеничныхъ зерна: одно на долгую жизнь, другое на скорую смерть:—угадай, пѣтухъ.

Погладила мягкую его шейку, поставила на столъ, въ глаза пѣтушине глядитъ, не отрывается.

Дѣвушки столъ обступили, любопытно.

Тряхнулъ пѣтухъ краснымъ гребешкомъ и клюнулъ одно зерно...

— Смерть, смерть,—ахнули дѣвушки.

— Оборотень онъ,—завизжала Акулина,—рубите ему голову.

Пѣтухъ со стола на полъ, да подъ лавку, крыльями бьетъ, въ руки не дается.

Заметались дѣвушки, пѣтуха ловятъ.

Поймали, у Акулины и топоръ въ рукахъ.

— Клади пѣтуха на порогъ!

Вытянули за голову, за ноги пѣтуха; размахнулась Акулина топоромъ... Да такъ и застыла рука.

Пропали стѣны; вмѣсто дѣвушекъ—березы въ инеѣ, парни—дубы, а Акулина—ива плакучая, вся въ сосулькахъ.

На пнѣ сидитъ странникъ, улыбается, сияютъ сѣрые глаза. Возлѣ на снѣгу лежитъ пѣтушиное перо.

Поднял странникъ перо, пустил по вѣтру, сказалъ:

— Лети, перышко, гдѣ сядешь, туда и я скоро приду; много еще мнѣ исходить осталось, увертливъ змѣй, не пришло его время.

А красное солнце долго не могло закатиться—завязло, должно-быть, въ мерзломъ бурьянѣ.

По алому его лику, цѣпляясь кривыми лапами, ползъ чернѣй змѣй.

Не въ томъ зернѣ, что пѣтухъ склевалъ, жила черная душа окаяннаго.

БОГАТЫРЬ СИДОРЬ.

Посреди поля стоит кирпичная печь, на печи лежить богатырь Сидорь и подварчивает:

— Топи ее, топи, все не жарко, прорва!

Изъ тучи сыплется снѣгъ и мимо летять гуси.

— Га, га,—кричатъ гуси,—вотъ глупый мужикъ!

— Нѣтъ, не глупый,—ворчитъ Сидорь,—а моя печь дура,—и, сунувъ подь голову валенокъ, натянулъ на себя нагольный тулупъ—норовить заснуть...

— Не спи,—кричатъ гуси,—померзнешь!—И пролетѣли.

«Виданое ли дѣло: русскому человѣку на топленной печи померзнуть», думаетъ Сидорь.

А морозъ пробираетъ, животомъ ляжешь—спинѣ холодно и наоборотъ.

— Нечего дѣлать, надо смекалку позвать, думаетъ Сидорь,—поди-ка сюда, Смекалка!

Изъ-подъ зольника вылѣзъ ледящій Смекалка и прямо сунуль красныя руки въ огонь.

— Что тебѣ, еще надо, Сидорь? Заморилъ ты меня,—спрашиваетъ Смекалка.

— Почему мнѣ на печи холодно?

Посмотрѣлъ Смекалка на тучу, на желтую степь кругомъ, сплюнулъ и сказалъ:

— Морозъ...

— Это ты вѣрно, а какъ устроить, чтобы тепло стало?

— Устроимъ.

— Ой ли? Вонъ гуси мимо летѣли, обидно меня обругали, а я думаю—русскаго человѣка всякій поносить, а онъ дѣло лучше другого смекаетъ...

Смекалка поглядѣлъ на тучу и говорить:

— Снѣгъ идетъ, оттого и холодно...

— Вѣрно, значить, тучу нужно разогнать, изъ которой снѣгъ идетъ. А чѣмъ?..

Смекалка послушалъ, какъ вѣтеръ свистить, и сказалъ:

— Плантъ нужень!..

И стали составлять плантъ; вышло—шесть, а на немъ въ родѣ пера. Машиной этой по тучѣ поведешь, такъ всю ее, словно масло со сковороды, смажешь.

Сдѣлали шесть, по тучѣ повели, смазали...

Шесть привязали сзади печи... дровецъ подкинули... а все нѣтъ настоящего тепла.

— Не иначе, какъ ошибка вышла,—говоритъ Сидорь.

— Ошибки нѣтъ,—Смекалка ему отвѣчаетъ,—а вѣтеръ—его устранить.

Просѣяли золу, стали опять на ней плантъ рисовать...

— Вышло,—говоритъ Смекалка,—подвести нужно колеса подь печь, а позади на рогулинѣ повѣсимъ рогожу, вѣтеръ подуетъ, печь поидетъ, сиди и грѣйся...

Ѣхаль о ту пору по степи заморскій король, двѣ собаки впереди, двѣ сзади, на красной рукавицѣ соколь сидить и клекчетъ...

Вдругъ собаки завыли поджали хвосты и подь лошадь полѣзли, соколь забилъ крыльями, а конь сталъ присѣдать.

«Дивно», думаетъ король; привстаетъ на стремени и изъ-подъ правой рукавицы... видеть...

Прямо на него через бугорь, куря дымомъ, пыхая огнемъ, задравъ хвостъ подь самую тучу, ползеть печка.

Осадилъ король коня и пустил каленую стрѣлу въ огневую пасть... А печь съ бугра катить на короля и кричить человѣческимъ голосомъ:

— Берегись, задавлю!

И изъ-за трубы выглянула бородатая голова въ колпакѣ.

— Э, да это печь,—сказалъ король и спрашиваетъ:

— Кто ты таковъ есть?

— Кто я,—сказалъ Сидорь, и прищурилъ глазъ,—Сидорь, мужикъ-самоучка!

— Поѣдемъ въ мое королевство народъ хитрости учить...

— Не поѣду,—отвѣчаетъ Сидорь,—далеко очень и колеса не подмазаны...

Разсердился король.

— Ну, тогда будемъ бороться, кто кого побѣдитъ, къ тому и пойдетъ на службу...

— Ладно, только кинжаловъ у меня съ собой нѣтъ, хочешь въ носки?..

— Согласенъ,—сказалъ король и влѣзъ на печь...

Три дня и три ночи ѣздила печь по морозному полю и на ней король и Сидорь рѣзались въ карты, отпускали носки.

Король все проигрывалъ и носъ его раздулся, какъ свекла.

— Теперь будешь знать, каковъ такой есть русскій мужикъ,—сказалъ на четвертый день Сидорь,—поѣзжай съ Богомъ, что съ тебя взять.

— Эхъ, Сидорь, поѣхалъ бы въ мое королевство,—отвѣтилъ король, съѣлъ на коня и ускакалъ, почесывая носъ...

А Сидорь на печи въ другую сторону, по вѣтру, поѣхалъ.
И на всю степь запѣлъ тонкимъ голосомъ:

— Родился я сиротинка,
Удалая головушка;
Не съ кѣмъ сиротинкѣ силой помѣряться...

И, если въ оврагъ, подь кручу куда не заѣхалъ, то ѣздитъ и оретъ пѣсни до сихъ поръ.

СОЛОМЕННЫЙ ЖЕНИХЪ.

Внизу овина, гдѣ зажигаютъ тепliny, въ углу темнаго подлаза лежить, засунувъ морду въ земляную нору, черный котъ.

Не котъ это, а овинникъ.

Лежить, хвостомъ не вильнетъ—пригрѣлся; а на волѣ морозъ, у овина ива обсыпала листья на тонкой ледъ.

Прибѣжали въ овинъ дѣвушки, ногами потопали:

— Идемте, подружки, въ подлазъ грѣться.

Полегли въ подлазѣ, гдѣ дымомъ пахнетъ, близко другъ къ дружке и завели такіе разговоры, что—старъ овинникъ, а чихнулъ и землей себѣ глаза запорошилъ.

— Что это, подружки, будто чихнуло—говорятъ дѣвушки.

Овинникъ разсердился, что глаза ему запорошило, протеръ ихъ лапой и говорить:

— Ну-ка, иди сюда, которая нехорошія слова говорила!

Каждая дѣвушка на себя подумала и ни одна ни съ мѣста.

— Ну, что же,—говоритъ овинникъ,—или мнѣ самому пойти, а?

И сталъ изъ норы пятиться...

Тутъ одна догадливая да бѣдная, сирота Василиса,

прикрыла платкомъ ржаной снопъ и поставила впереди всѣхъ:—вотъ тебѣ!..

Выскокнулъ изъ норы овинникъ, пыхнулъ зелеными глазами и сталъ лапами снопъ рвать, а дѣвушки, всѣ до одной, изъ овина выбѣжали на деревню, а та, что подогадливая—Василиса—схоронилась за скирдъ и говорить оттуда—притворяется:

— Черный котъ, старый овинникъ, все тѣло мое изорвалъ, что дѣлать буду?

Фыркнулъ овинникъ, отскочилъ и кричить:

— Очень я злой, вотъ отойду, тогда спрашивай.

Подождала Василиса и говорить опять:

— Отошелъ?

— Отхожу, сейчасъ, только усы вылижу... Ну, что тебѣ надо?

— Залечи мнѣ раны...

Плюнулъ котъ въ землю, лапой грязцу подхватилъ и помазалъ снопъ...

А снопъ, такъ и остался снопомъ...

— Такъ это ты меня обманула?—говоритъ котъ,—а самому ужъ смѣшно.

— Прости,—проситъ Василиса,—а за страхъ, что отъ тебя натерпѣлась, возьми меня замужъ.

— Ужъ больно я уродъ,—говоритъ овинникъ,—ну да ладно,—и ударился о землю и сталъ изъ чернаго кота—котъ бѣлый и хвостомъ Василису пощекотать...

— Нѣтъ,—говоритъ Василиса,—не хочу замужъ за кота, дай мнѣ жениха настоящаго.

— А гдѣ я тебѣ настоящаго возьму?

— Ну ужъ изъ снопа, да сдѣлай.

Повозился овинникъ, и сдѣлалъ изъ снопа жениха...

— Смотри, говоритъ, чтобы отъ сырости не проросъ.

— Да я ужъ догляжу!—изъ подлаза вытянула Василиса человѣка за бѣлыя руки, и всталъ передъ ней,

въ золотыхъ кудряхъ со свѣтлымъ лицомъ, женихъ молодой.

Посмотрѣлъ на нее и засмѣялся...

— Видишь, веселый какой,—ворчалъ овинникъ.

Сколько дней прошло съ тѣхъ поръ—никто не зналъ, потому что во всей деревнѣ одинъ Антипъ умѣлъ считать до ста, да и тотъ умеръ; легъ на мерзлую землю снѣгъ и стало темно на волъ, какъ въ погребѣ.

Живеть у Василисы соломенный женихъ, днемъ по горницѣ ходить или въ окно глядять и приговаривать:

— Скучно мнѣ очень, темно да сыро.

А Василиса печетъ пироги со сметаной.

— Не хочу пироговъ,—говорить женихъ,—хочу на зеленой травѣ кверху лицомъ лежать.

И стала Василиса замѣчать, что женихъ отъ сырости прорастаетъ, пухнуть сталъ, позеленѣло на кафтанѣ и сапожкахъ золото и ночью разъ лопнула у жениха перепонка. Женихъ съ кровати всталъ, подползалъ и говоритъ:

— Уйду я теплаго мѣста искать.

— А я какъ же?..

— Ты здѣсь меня жди.

И ушелъ, только снѣгъ поскрипѣлъ за воротами.

Женихъ идетъ, весь отъ инея бѣлый, а впереди него кузнецы молоточками пробуютъ—крѣпко ли закована земля, не сломала ли рѣка ледъ, по деревьямъ постукиваютъ, морозять зайцамъ уши.

Хочетъ женихъ кузнецовъ перегнуть, а ихъ все больше, съ волчьими ушами, на костяныхъ ногахъ, зубами пощипываютъ; остудился женихъ, а степь бѣла кругомъ.

И встало надъ нею солнце, красное и холодное. Женихъ къ солнцу бѣжить, колпакомъ машетъ:

— Погоди, погоди, возьми меня съ собой въ зеленые луга.

И добѣжалъ было, но вдругъ, вытянувъ изъ снѣга длинныя шесть своихъ ногъ, выползъ черный паукъ, поползъ до солнца, присѣлъ—колѣни выше живота поднялись, вздернулъ животъ и прыгнулъ...

Захвативъ шестью лапами студное солнце прилипъ къ нему и, тиснувъ зубами, выпустилъ черный ядъ.

Завизжали, застучали кузнецы молоточками, потемнѣла степь, завылъ мертвый лѣсъ, а соломенный женихъ бѣжа пустился, упалъ и не помнитъ, что дальше было.

Пораскинула Василиса, какъ одна осталась, бабьимъ умомъ и побѣжала къ старому овиннику. А чтобы не сердился, сунула подъ носъ ему пирогъ съ творогомъ и говоритъ:

— Женихъ отъ меня убѣжалъ, должно-быть замерзъ, очень его жалко.

— Ничего,—отвѣчаетъ ей овинникъ,—женихъ твой въ озимое пошелъ.

— А я-то какъ же?

— Найдешь ты жениха въ чистомъ полѣ, лягъ съ нимъ рядомъ и гляди въ небо, а что дальше будетъ—сама увидишь.

Пошла Василиса въ пустое поле, видитъ большой сугробъ, разрыла его своими руками, лежитъ подъ снѣгомъ желанный женихъ.

Упала на него Василиса, моетъ лицо слезами, а женихъ не шевелится.

Тогда легла Василиса рядомъ и стала глядѣть въ зимнее небо.

Снѣгъ дѣвшку порошить, кузнецы молотками сердце колятъ, обручи набиваютъ на тѣло и говоритъ Василиса:

— Желанный мой женихъ;

И чудится ей—синѣетъ небо и изъ самой его глубины летитъ къ землѣ, раскаляясь, близится молодое, снова рожденное, солнце.

Заухали снѣга, загудѣли овраги, ручьи побѣжали, обнажая черную землю, надъ буграми поднялись жаворонки, засвистѣли сѣрые скворцы, грачь пришелъ важной походкой, и соломенный женихъ открылъ золотые глаза и привсталъ.

Проходили мимо добрые люди, сѣли на междѣ отдохнуть и сказали:

— Смотри, какъ рожь всколосилась, а съ ней переплелись васильки цвѣты...

Душисто...

МАША И МЫШКИ.

— Спи, Маша,—говоритъ нянюшка,—глаза во снѣ не открывай, а то на глаза котъ какъ прыгнетъ.

— Какой котъ?

— Черный съ желѣзными когтями.

Маша сейчасъ же глаза и зажмурила, а нянька залѣзла на сундукъ, почесалась и носомъ сонныя пѣсни завела; а Маша думала, что нянька изъ носа въ лампадку масло наливаетъ.

Какъ подумала, такъ и заснула.

Тогда въ окнѣ засвѣтились звѣзды и мѣсяцъ сълъ на желѣзную трубу...

— Здравствуйте, звѣзды,—сказала Маша...

Звѣзды отъ радости закружились, и хвосты у нихъ и розовыя лапы; не звѣзды это, а бѣлыя мышки бѣгаютъ кругомъ яснаго мѣсяца.

Вдругъ подъ мѣсяцемъ задымилась труба и сначала ухо вылѣзло, а потомъ и вся черная голова.

Мышки метнулись и спрятались въ мѣсяцъ, всѣ сразу.

Голова уползла и въ окно мягко прыгнулъ черный котъ; волоча хвостъ, заходилъ большими шагами, придвигался къ кровати, изъ шерсти сыпались синія искры.

«Глаза бы только не открыть», думаетъ Маша.

А котъ прыгнуль ей на грудь, съѣль, лапами уперся, шею вытянулъ, глядитъ.

У Маши сами раздвигаются вѣки.

— Нянюшка,—шепчетъ она,—нянюшка.

— Я няньку съѣль,—говоритъ котъ,—я и сундукъ съѣль.

Вотъ, вотъ, откроетъ Маша глаза, котъ и уши прижалъ...

Да какъ чихнетъ.

Крикнула Маша и всѣ звѣзды-мышки выскочили изъ мѣсяца, окружили кота, прыгнетъ котъ на Машины глаза—мышь во рту, жретъ котъ мышей, не давится и самъ мѣсяцъ съ трубы сползъ, поплыль къ кровати, на мѣсяцѣ нянькинъ платокъ и носъ толстый...

— Нянюшка,—плачетъ Маша,—тебя котъ съѣль...—
И съла.

Нѣтъ ни кота, ни мышей, а мѣсяцъ далеко за тучей спрятанъ.

На сундукѣ толстая нянька носомъ сонныя пѣсни поеть.

«Котъ няньку выплюнулъ и сундукъ выплюнулъ», подумала Маша и сказала:—Спасибо тебѣ, милый мѣсяцъ, и вамъ, ясныя звѣзды.

ЕЖЬ-БОГАТЫРЬ.

Теленокъ увидаль ежа и говоритъ:—Я тебя съѣмъ! Ежъ не зналъ, что теленокъ ежей не ѣстъ, испугался, клубкомъ свернулся и фыркнулъ:

— Попробуй...

Здравъ хвостъ, запрыгаль глупый теленокъ, боднуть норовить, а потомъ растопырилъ переднія ноги и лизнулъ ежа:

— Ой, ой, ой!—заревѣль теленокъ, побѣжалъ къ коровѣ-матери и жалуется:

— Ежъ меня за языкъ укусилъ.

Корова подняла голову, поглядѣла, задумчиво, на теленка и опять принялась вкусную траву рвать.

А ежъ покотился въ темную нору подъ рябиновый корень и сказалъ ежихѣ:

— Я огромнаго звѣря побѣдилъ, должно-быть, льва! И пошла слава про храбрость ежову за синее озеро, за темный лѣсъ.

— У насъ ежъ—богатырь,—говорили звѣри.

За калиновымъ мостомъ, на малиновомъ кусту пряники медовые расли да конфетки съ начинкой. Каждое утро прилетала сорока-бѣлобока, ѣла пряники да конфетки.

Наѣстся, почиститъ носокъ и улетитъ дѣтей конфеткой кормить.

Разъ спрашиваетъ сороку синичка-птичка:

— Откуда, тетенька, ты конфетки таскаешь, моимъ дѣтямъ тоже вкусенькаго хочется. Укажи мнѣ мѣсто конфеточное.

— А у чорта на кулижкахъ,—отвѣчала сорока-бѣлобока, обманула синичку.

— Неправду ты говоришь, тетенька,—пискнула синичка-птичка,—у чорта на кулижкахъ однѣ сосновыя шишки валяются, да и тѣ пустыя. Скажи, все равно выслѣжу.

Испугалась сорока-бѣлобока, пожадничала, полетѣла къ малиновому кусту и съѣла, и пряники, и конфетки съ начинкой, все до-чиста.

И заболѣлъ у сороки животъ. Насилу домой доплелась; сорочать растолкала, легла, да охаетъ...

— Что съ тобой, тетенька?—спрашиваетъ синичка-птичка,—или болить чего?

— Трудилась я,—охаетъ сорока,—истомилась, кости болятъ.

— Ну то-то, а я думала другое что, отъ другого-что я средство знаю—трава Сандритъ, отъ всѣхъ болѣзней цѣлитъ.

— А гдѣ Сандритъ-трава растеть?—взмолилась сорока-бѣлобока.

— А у чорта на кулижкѣ,—отвѣтила синичка-птичка, крылышками дѣтей закрыла и заснула.

«У чорта на кулижкѣ однѣ сосновыя шишки», подумала сорока, «да и тѣ пустыя»: и затосковала—очень животъ болѣлъ у бѣлобокой.

И съ боли да тоски на животѣ сорочьемъ перья всѣ повылѣзли и стала сорока—голобока.

Отъ жадности.

МЫШКА.

По бѣлому снѣгу бѣжить мышка, за мышкой дорожка, а если нагнешься поближе, увидишь, гдѣ лапки ступали.

Мышка ничего не думаетъ, потому что въ головѣ мышшиной мозгу—поменьше горошины.

Увидала мышка на снѣгу сосновую шишку, ухватила зубомъ, скребетъ и все чернымъ глазомъ поглядываетъ—нѣтъ ли хоря.

А злой хорь по мышшинымъ слѣдамъ ползетъ, краснымъ хвостомъ снѣгъ мететъ.

Ротъ разинулъ, хочетъ съѣсть мышъ...

Вдругъ... бах! выстрѣлил охотникъ и хорь кверху лапками упалъ.

А мышъ вильнула хвостомъ и нырнула въ снѣгъ. И такъ ничего не подумала объ этомъ случаѣ мышка, потому что мозгу въ мышшиной головѣ меньше горошины.

МУДРЕЦЪ.

По зеленой травѣ-муравѣ ходять куры, на колесѣ бѣлый пѣтухъ стоитъ и думаетъ:—пойдетъ дождь или не пойдетъ?

Склонить голову, однимъ глазомъ на тучу посмотреть и опять примется думать.

Чешется о заборъ свинья.

— Чортъ знаетъ,—ворчитъ свинья,—сегодня арбузные корки опять отдали коровѣ, а я люблю арбузные корки!

— Мы всегда довольны!—хоромъ сказали куры.

— Дуры! — хрюкнула свинья, — сегодня я слышала, какъ клялась хозяйка накормить гостей курятиной.

— Какъ, какъ, какъ, какъ, что такое?—затараторили куры.

— Поотвертять вамъ головы, вотъ и «какъ что такое»,—проворчала свинья и легла въ лужу.

Сверху внизъ задумчиво посмотрѣлъ пѣтухъ и молвилъ:
— Куры, не бойтесь, отъ судьбы не уйдешь. А я думаю, что дождь будетъ; какъ вы, свинья?

— А мнѣ все равно,—отвѣчала свинья.

— Боже мой,—заговорили куры,—вы, пѣтухъ, предае-
тесь пустымъ разговорамъ, а между тѣмъ насъ могутъ зарѣзать.

Пѣтуха это насмѣшило, онъ хлопнул крыльями и кукурекнулъ.

— Глупыя, меня никогда не зарѣжутъ, я пѣтухъ и одинъ...

Куры волновались.

Въ это время на порогъ избы вышла съ огромнымъ ножомъ хозяйка и сказала:

— Все равно, онъ старый, его и сваримъ.

И пошла къ пѣтуху.

Пѣтухъ смѣрилъ ее взглядомъ и гордо продолжалъ стоять на колесѣ.

Но хозяйка подходила и уже протянула руку...

Тогда почувствовалъ онъ зудъ въ ногахъ и побѣжалъ, очень шибко: чѣмъ дальше, тѣмъ шибче.

Куры разлетѣлись, а свинья притворилась спящей.

«Пойдетъ дождь, или не пойдетъ»? думалъ пѣтухъ, когда его, пойманнаго, несли на порогъ, чтобы рубить голову.

И, какъ жилъ онъ, такъ и умеръ—мудрецомъ.

РЫСЬ, МУЖИКЪ и МЕДВѢДЬ.

Мужикъ рубить сосну, ложатся на лѣтошную хвою бѣлыя щепки, дрожитъ сосна, а на самой ея верхушкѣ сидитъ рысь.

Плохо рысье дѣло, некуда ей перепрыгнуть и говорить она деревяннымъ голосомъ, будто сосна:—не руби меня, мужичокъ, я тебѣ пригожусь. Удивился мужикъ, вытеръ потъ рукавомъ и спрашиваетъ:

— А чѣмъ же ты мнѣ, сосна, пригодишься?

— А вотъ прибѣжить медвѣдь, ты и залѣзешь на меня.

Мужикъ подумалъ:—а если, скажемъ, нѣтъ сейчасъ медвѣдя-то?

— Какъ нѣтъ, а погляди-ка черезъ плечо...

Обернулся мужикъ, сзади него медвѣдь стоитъ и ротъ разинулъ. Ахнулъ мужикъ и полѣзъ на сосну, а за нимъ медвѣдь, а навстрѣчу ему рысь.

— Нечего дѣлать,—ѣшьте меня, говоритъ мужикъ,—позвольте только трубочку покурить.

— Ну, покури,—рявкнули звѣри. Прицѣпился мужичокъ на сучкѣ, изъ шапки выдралъ паклю, чиркнулъ кремнемъ, и вспыхнулъ, забѣгавъ быстрый огонь.

И мужикъ заораль:—ай, ай, упустиль огонь-то.
Испугались рысь да медвѣдь и убѣжали.
А мужичокъ долго еще сидѣль на сучкѣ, все подми-
гиваль.

Л И С А.

Подъ осиною спала лиса и видѣла воровскіе сны.
Спать лиса, бѣгаетъ ли—все равно нѣтъ отъ нея житья
звѣрямъ.

И ополчились на лису—ежъ, дятель да ворона.
Дятель да ворона впередъ полетѣли, а ежъ слѣдомъ
покатился.

Дятель да ворона сѣли на осину...
— Тукъ... тукъ... тукъ... застучаль дятель клювомъ
по корѣ.

И сонъ увидѣла лиса—будто страшный мужикъ то-
поромъ машеть, къ ней подбирается.

Ежъ къ осинѣ подбѣгаетъ и кричитъ ему ворона:

— Карръ ежъ!.. карръ ежъ!..

«Куръ ѣшь», думаетъ лиса, «догадался проклятый
мужикъ».

А за ежомъ ежиха да еката пыхтятъ, переваливаются...

— Карръ ежи!—заорала ворона.

«Карауль, вяжи!» подумала лиса, да какъ, съ просо-
нокъ, вскочить, а ежи ее иголками въ нось...

— Отрубили мой нось, смерть пришла,—ахнула лиса
и скорѣжилась.

Прыгнуль на нее дятель и продолбилъ лисѣ голову.

Звѣри съ радости въ присядку плясали.

КОТЪ ВАСЬКА.

У Васьки кота поломались отъ старости острые зубы, а ловить мышей большой охотникъ Васька-котъ.

Лежить цѣлые дни на теплой печуркѣ и думаетъ— какъ бы зубы поправить...

И надумаль, а, надумавши, пошелъ къ старой баушкѣ.

— Баушка, — замурлыкаль котъ, — приставь мнѣ зубы, да желѣзные, костяные-то я давно обломаль.

— Ладно, — говорить баушка, — за это отдашь мнѣ то, что поймашь въ первый разъ.

Поклялся котъ взявъ желѣзные зубы, побѣжалъ домой.

Не терпится Васькѣ ночью, ходить по комнатѣ, мышей вынохивасть.

Вдругъ будто мелькнуло что-то, бросился котъ, да видно промахнулся.

Пошелъ, опять метнулось.

«Погоди же!» думаетъ котъ Васька; остановился, глаза скосилъ и поворачивается, да какъ прыгнетъ, завертѣлся волчкомъ и ухватилъ желѣзными зубами свой хвостъ.

Откуда ни возьмись явилась баушка.

— Давай, — говорить, — хвостъ по уговору.

И сталъ котъ Васька безхвостый.

Лежить цѣлые дни на печуркѣ да думаетъ: — пропади они желѣзные зубы пропадомъ.

СОВА и КОТЪ.

Въ дубовомъ дуплѣ жила бѣлая сова—лунь-птица, у совы было семь дѣтенышей, семь родныхъ сыновей.

Разъ ночью улетѣла она—мышей половить и яйца напиться.

А мимо дуба шель дикій, лѣсной котъ; услыхалъ котъ, какъ совыа пищать, залѣзъ въ дупло и поѣлъ ихъ всѣхъ семь.

Наѣвшисъ, тутъ же, въ тепломъ гнѣздѣ, свернулся и заснулъ.

Прилетѣла сова, глянула круглыми глазами, видитъ—котъ спитъ. Все поняла.

— Котикъ лѣсной, — запѣла сова сладкимъ голосомъ, — пусти переночевать, холодно въ лѣсу-то.

Котъ, съ просонокъ, не разобралъ и пустилъ сову.

Легли они рядышкомъ, а сова и говоритъ:

— Отчего у тебя, котъ, усы въ крови?

— Ушибся, кума, рану лизаль.

— А отчего у тебя, котъ, рыльце въ пуху?

— Соколь меня трепаль, насилу ушелъ я отъ него.

— А отчего у тебя, котъ, глаза горять?

Обняла сова кота лапами и выпила глаза его.

Печень кловомъ вынула и закричала:

Совята!

Семь, семь.

Совята!

Котъ съѣлъ.

КОЗЕЛЬ.

Въ полѣ тынь, подѣ тыномъ собачья голова, въ головѣ толстый жукъ сидитъ съ однимъ рогомъ посреди лба.

Шель мимо козель, увидалъ тынь, разбѣжался да какъ хватить въ тынь головой; тынь закряхтѣлъ, рогъ у козла отлетѣлъ.

— То-то, — жукъ сказалъ, — съ однимъ-то рогомъ сподручнѣе, иди ко мнѣ жить.

Полѣзь козель въ собачью голову, только морду ободралъ.

— Ты и лазить-то не умѣешь, — сказалъ жукъ, крылья раскрылилъ и полетѣлъ.

Прыгнувъ козель на тынь, сорвался и повисъ.

Шли бабы мимо тына—бѣлье полоскать, сняли козла и вальками отлупили.

Пошелъ козель домой безъ рога, съ драной мордой, съ помятыми боками...

Шель—молчалъ.

Смѣхота да и только.

ЗАЯЦЪ.

Летить по бѣлому снѣгу поземка, мететь сугробъ на сугробъ... На курганѣ поскрипываетъ сосна:

— Охъ, охъ, кости мои старья, ноченька-то разыгралась, охъ, охъ...

Подъ сосной, настороживъ уши, сидитъ заяць.

— Что ты сидишь, — стонетъ сосна, — съѣсть тебя волкъ, убѣжалъ бы.

— Куда мнѣ бѣжать, кругомъ бѣло, всѣ кустики замело, ѣсть нечего...

— А ты порой, поищи.

— Нечего искать, — сказала заяць и опустилъ уши.

— Охъ, старые глаза мои, — закряхтѣла сосна, — бѣжить кто-то, должно-быть волкъ; волкъ и есть.

Заяць заметался:—спрячь меня, бабушка...

— Охъ, охъ, ну, прыгай въ дупло, косой.

Прыгнувъ заяць въ дупло, а волкъ подбѣгаетъ, кричить:

— Сказывай, старуха, гдѣ косой?

— Почему я знаю, разбойникъ, не стерегу я зайца, вонъ вѣтеръ разгулялся, охъ, охъ...

Метнулъ волкъ сѣрымъ хвостомъ, легъ у корней, голову на лапы положилъ. А вѣтеръ свиститъ въ сучьяхъ, крѣпчаетъ...

— Не вытерплю, не вытерплю, — скрипит сосна.
Снѣгъ повалилъ, налетѣлъ лохматый буранъ, да вмѣстѣ
съ поземкой, подхватилъ бѣлые сугробы, кинулъ на сосну.
Напружилась сосна, крякнула и сломалась...
Съраго волка, падая, до смерти зашибла...
Замело ихъ бураномъ обоихъ.
А заяцъ изъ дупла выскочилъ и запрыгаль, куда глаза
глядятъ.
«Сирота я, — думаль заяцъ, — была у меня бабушка
сосна, да и ту замело...»
И капали въ снѣгъ заячы слезы.

РАЧЬЯ СВАДЬБА.

Граченокъ сидитъ на вѣткѣ у пруда, по водѣ плыветъ
сухой листокъ, въ немъ сидитъ улитка.

— Куда ты, тетенька, плывешь? — кричитъ ей граче-
нокъ.

— На тотъ берегъ, милый, къ раку на свадьбу.

— Ну ладно, плыви.

Бѣжить по водѣ паучокъ на длинныхъ ножкахъ, ста-
нетъ, огребнется и дальше пролетитъ.

— А ты куда?

Видитъ паучокъ граченковъ желтый ротъ и боится:

— Не трогай меня, я — колдунъ, бѣгу на длинныхъ
лапахъ къ раку на свадьбу.

Изъ воды высунулъ ротъ головоастикъ, шевелить гу-
бами.

— А ты чего дѣлаешь, головоастикъ?

— Дышу, чай видишь, сейчасъ въ лягушку хочу обра-
титься, поскачу къ раку на свадьбу.

Трещитъ, летитъ надъ водой зеленая стрекоза.

— А ты куда, стрекоза?

— Плясать лечу, граченокъ, къ раку на свадьбу...

«Ахъ ты, штука какая, — думаетъ граченокъ, — всѣ
туда торопятся».

Жужожить пчела.

— И ты, пчела, къ раку?

— Къ раку, — ворчить пчела, — пить медь да брагу.

Плыветь красноперый окунь, и взмолился ему граченокъ:

— Возьми меня къ раку, красноперый, летать-то я еще не мастеръ, перевези на спинѣ.

— Да тебя и не просили на свадьбу-то.

— Все равно, глазкомъ поглядѣть...

— Ладно! — сказалъ окунь, высунулъ изъ воды крутую спину, граченокъ прыгнулъ на него; плывуть.

А у того берега на кочкѣ справлялъ свадьбу старый ракъ. Рачиха и рачата шевелили усищами, глядѣли глазами, щелкали клешнями, какъ ножницами.

Ползала по кочкѣ улитка, со всѣми шепталась — сплетничала.

Паучокъ забавлялся — лапкой сѣно косилъ.

Зелеными крылышками трещала стрекоза, радовалась, что она такая красивая и всѣ ее любятъ.

Лягушка надула животъ, пѣсни пѣла; плясали три пескарика и ершь.

— Веселѣй, — кричалъ паучокъ. Лягушка старалась — рада была, что больше она не головастикъ.

Ракъ-женихъ, держа невѣсту за усище, кормилъ ее мухой.

— Скушай, — говорилъ ракъ женихъ.

— Не смѣю, — отвѣчала невѣста, — дяденки моего жду, окуня...

Стрекоза закричала: — окунь, окунь плыветь, да какой страшный, съ крыльями.

Обернулись гости...

По зеленой водѣ, что есть духу, мчался окунь, а на немъ сидѣло чудище черное и крылатое и у чудища желтый ротъ...

Что тутъ стало... женихъ бросилъ невѣсту, да въ воду;

за нимъ раки, лягушка, ершь да пескарики, паучокъ обмеръ, легъ на спинку; мечется стрекоза, насили улетѣла.

Подплываетъ окунь — пусто на кочкѣ, одинъ паучокъ лежитъ и тотъ, какъ мертвый...

Скинулъ окунь граченка на кочку, ругается:

— Ну что ты, дурень, надѣлалъ...

Еще шире разинулъ граченокъ желтый ротъ да такъ и остался...

Вотъ тебѣ и рачья свадьба!

ПОРТОЧКИ.

Жили-были три внучонка и на всѣхъ троихъ одни только порточки приходились синенькіе, да и тѣ съ трухлявой ширинкой.

Подѣлать ихъ не подѣлишь и надѣтъ зазорно—изъ ширинки рубашка заячьимъ ухомъ торчить.

Безъ порточекъ горе: либо муха подь колѣнку уку-сить, либо ребятишки стегнуть хворостиной, да такъ ловко,—до вечера не отчешешь битое мѣсто.

Сидятъ на лавкѣ три внучонка и плачутъ, а порточки у двери на гвоздикѣ висятъ.

Приходить черный тараканъ и говорить внучатамъ: — Мы, тараканы, всегда безъ порточекъ ходимъ, идите жить съ нами.

Отвѣчаетъ ему старшій внученокъ:

— У васъ, таракановъ, зато усы есть, а у насъ нѣтъ, не пойдемъ жить съ вами.

Прибѣгаетъ мышка:

— Мы, говорить, тоже безъ порточекъ обходимся, идите съ нами жить.

Отвѣчаетъ ей средній внученокъ:

— Васъ, мышей, котъ ѣсть, а намъ жить еще хочется, не пойдемъ, ни за что къ мышамъ.

Приходить рыжій быкъ; рогатую голову въ окно всунуль и говорить:

— И я безъ портокъ хожу, идите жить со мной.

— Тебя, быкъ, сѣномъ кормятъ, а намъ вкусенькаго хочется, не пойдемъ жить съ тобой, — отвѣчаетъ младшій внученокъ.

Сидятъ три внученка, кулаками трутъ глаза и ревутъ; а порточки соскочили съ гвоздика и сказали съ поклономъ:

— Намъ, трухлявымъ, съ такими привередниками водиться не приходится,—да шмыгъ въ сѣни, а изъ сѣней за ворота, а изъ воротъ на гумно, да черезъ рѣчку—поминай, какъ звали.

Покаялись тогда три внученка, стали прощенья у таракана, у мышкы, да у быка просить.

Быкъ простилъ, далъ имъ старый хвостъ — мухъ отгонять.

Мышка простила, сахару принесла—ребятишкамъ давать, чтобъ не очень больно хворостиной стегали. А черныи тараканъ долго не прощалъ, потомъ, всетаки, отмякъ и научил тараканьей мудрости:—хоть одни, и трухлявые, а все-таки порточки.

Идутъ съ рѣчки по мерзлой травѣ бѣлые гуси, впереди злой гусакъ шею вытягиваетъ, шипитъ:

— Попадись мнѣ кто, зациплю.

Вдругъ низко пролетѣла лохматая галка и крикнула:

— Что, поплавали! Вода-то замерзла.

— Шушура!—шипитъ гусакъ.

За гусакомъ переваливаются гусенята, а позади всѣхъ старая гусыня. Гусынѣ хочется снести яйцо и она уныло думаетъ:

«Куда мнѣ, на зиму глядя, яйцо нести, заморозишь».

А гусенята вправо шейки нагнуть и пощиплютъ щавель и влѣво пощиплютъ, гусенятамъ всегда весело.

Лохматая галка бокомъ по травѣ назадъ летитъ, кричитъ:

— Уходите, гуси, скорѣй, у погребницы ножи точатъ, свиной колютъ и до васъ, гусей, доберутся.

Гусакъ налету, съ шипомъ, выхватилъ галкѣ перо изъ хвоста, а гусыня расколыхалась:

— Вертихвостка, орешъ, дѣтей моихъ пугаешь.

— Щавель, щавель,—шепчуть гусенята,—померзъ, померзъ.

Миновали гуси плотину, идутъ мимо сада, и, вдругъ

по дорогѣ имъ навстрѣчу бѣжить, ушами трясеть голая свинья, а за ней работникъ, рукава засучиваетъ.

Наловчился работникъ, ухватилъ свинью за заднія ноги и поволокъ по мерзлымъ кочкамъ. А гусакъ работника за спину, за ноги, съ вывертомъ, щипомъ щипаль, хватомъ захваталь.

Гусенята отбѣжали, смотря, нагнувъ головы.

Гусыня, охая, къ мерзлому болоту засеменяла.

— Го, го,—закричалъ гусакъ,—всѣ за мной!

И помчались гуси полулетомъ на дворъ. На птичьемъ дворѣ стряпуха точила ножи, гусакъ къ корыту подбѣжалъ, отогналъ куръ да утокъ, самъ наѣлся, дѣтей накормилъ и, зайдя сзади, ущипнула стряпуху.

— Ахъ, ты!—ахнула стряпуха, а гусакъ отбѣжалъ и закричалъ:

— Гуси, утки, куры, всѣ за мной!

Взбѣжалъ гусакъ на пригорокъ, крыломъ бѣлымъ махнулъ и крикнулъ:

— Птицы, всѣ, сколько ни есть, сегодня насъ будутъ колотъ, а я говорю—летимъ за море. Летимъ!

— Подъ облака!—закричали гусенята.

— Высоко, высоко!—цыкали куры.

Подулъ вѣтерокъ.

Гусакъ посмотрѣлъ на тучку, разбѣжался и полетѣлъ.

За нимъ прыгнули гусенята и тутъ же попадали—ужъ очень зобы понабили. Индюкъ замоталъ сизымъ носомъ, куры со страху разбѣжались, утки, присѣдая, крикали, а гусыня заплакала—всѣ вспухла.

— Какъ же я, какъ же я, съ яйцомъ полечу!

Подбѣжала стряпуха, погнала птицъ на дворъ.

А гусакъ долетѣлъ до облака, мимо треугольникомъ дикіе гусиплыли, взяли дикіе гуси гусака съ собой за море. И гусакъ кричалъ:

— Гууси, кууры, уутки, не поминайте лиихомъ...

Жиль у старика на дворѣ сивый меринъ, хорошій, толстый, губа нижняя лопатой, а хвостъ лучше и не надо, словно труба, во всей деревнѣ такого хвоста не было.

Не наглядится старикъ на сиваго, все похваливаетъ. Разъ ночью пронюхаль меринъ, что овесъ на гумнѣ молодили, пошелъ туда, и напали на мерина десять волковъ, поймали, да хвостъ ему и отъѣли.

Увидѣлъ старикъ поутру мерина куцаго и загоревалъ—безъ хвоста все равно, что безъ головы, глядѣтъ противно. Что дѣлать?

Подумаль старикъ, да мочальный хвостъ мерину и пришилъ.

А меринъ—воровать, опять ночью на гумно за овсомъ полѣзь.

Десять волковъ тутъ, какъ тутъ; опять поймали мерина, ухватили за мочальный хвостъ, оторвали, жрутъ и давятся—не лѣзеть мочала въ горло волчье.

А меринъ къ старику ускакалъ и кричить:

— Бѣги на гумно скорѣе, волки мочалкой давятся.

Ухватилъ старикъ коль, побѣжалъ.

Глядитъ—на току десять сѣрыхъ волковъ сидятъ и кашляютъ.

Старикъ коломъ, меринъ копытомъ и приударили на волковъ.

Взвыли сѣрые, прощенья стали просить.

— Хорошо,—говоритъ старикъ,—прощу, пришейте только мерину хвостъ. Взвыли еще разъ волки и пришили.

На другой день вышелъ старикъ изъ избы, дай, думаетъ, на сиваго посмотрю; глянулъ, а хвостъ у мерина крючкомъ—волчій.

Ахнулъ старикъ, да поздно; на заборѣ ребятишки сидятъ, покатываются, гогочуть:

— Дѣдка-то—лошадямъ волчьи хвосты вырачиваетъ.

И прозвали съ тѣхъ поръ старика—хвостырь.

ВЕРБЛЮДЪ.

Вошелъ верблюдь на скотный дворъ и охаеть:

— Ну, ужъ и работничка новаго наняли, только и норовить палкой по шишкамъ драться, должно быть цыганъ.

— Такъ тебѣ, долговязому, и надо,—отвѣтилъ карій меринь,—глядѣть на тебя тошно.

— Ничего не тошно, чай у меня тоже четыре ноги.

— Вонъ у собаки четыре ноги, а развѣ она скотина?— сказала корова, уныло,—лаеть да кусается.

— А ты не лѣзь къ ней съ рожницами,—отвѣтилъ меринь, а потомъ махнулъ хвостомъ и крикнулъ верблюду:

— Ну, ты, долговязый, убирайся отъ колоды.

А въ колодѣ завалено было вкусное мѣсиво.

Посмотрѣлъ верблюдь на мерина грустными глазами, отошелъ къ забору и принялся пустую жвачку ѣсть. Корова опять сказала:

— Плюется очень верблюдь-то, хоть бы издохъ...

— Издохъ!—ахнули овцы всѣ сразу.

А верблюдь стоялъ и думалъ, какъ устроить, чтобы уважать его на скотномъ дворѣ стали.

Въ это время пролеталъ въ гнѣздо воробей и пискнулъ мимолетомъ:

— Какой ты, верблюдь, страшный, право!

— Ага!—догадался верблюдь и заревѣлъ, словно доску гдѣ сломали.

— Что это ты,—сказала корова,—спятилъ?

Верблюдь шею вытянулъ, потрепалъ губами и тощими шишками:

— А посмотрите-ка, какой я страшный...—и подпрыгнулъ.

Уставились на него меринь, корова и овцы... Не поняли сразу, а потомъ, какъ шархнутся, корова замычала, меринь, оттопыривъ хвостъ, ускакалъ въ дальній уголь, овцы въ кучу сбились.

Верблюдь губами трепалъ, кричалъ:

— Ну-ка, погляди!

Тутъ всѣ, даже жукъ навозный, съ перепугу со двора устрекнули.

Засмѣялся верблюдь, подошелъ къ мѣсиву и сказалъ:

— Давно бы такъ. Безъ ума-то оно ничего не дѣлается. А теперь покушаемъ.

МУРАВЕЙ.

Ползеть муравей, волокеть соломину.

А ползти муравью через грязь, топь да мохнатая чокки; гдѣ въ бродѣ, гдѣ соломину съ края на край переметнеть, да по ней и переберется.

Усталъ муравей, на ногахъ грязища-пудовики, усы измочилъ. А надъ болотомъ туманъ стелется, густой, непролазный—зги не видно.

Сбился муравей съ дороги и сталъ изъ стороны въ сторону метаться—свѣтляка искать...

— Свѣтлячокъ, свѣтлячокъ, зажги фонарикъ.

А свѣтляку самому впору—ногъ-то нѣтъ, на брюхѣ ползти не спорно.

— Не поспѣю я за тобой,—охаеть свѣтлячокъ,—мнѣ бы въ колокольчикъ залѣзть, ты ужь безъ меня обойдись.

Нашель колокольчикъ, заползь въ него свѣтлячокъ, зажегъ фонарикъ, колокольчикъ просвѣчиваетъ, свѣтляку больше ничего не надо.

Разсердился муравей, сталъ у колокольчика стебель грызть.

А свѣтлячокъ перегнулся черезъ край, посмотрѣлъ и принялся звонить.

И сбѣжались на звонъ да на свѣтъ звѣри: жуки

водяные, ужишки, комары да мышшки, бабочки-полуночицы. Повели топить муравья въ непролазную грязь.

Муравей плачетъ, упрашиваетъ:

— Не топите меня, я вамъ муравьиного вина дамъ.

— Ладно.

Достали звѣри сухой листъ, нацѣдилъ муравей туда вина; пьютъ звѣри, похваляютъ.

Охмелѣли, въ присядку пустились.

А муравей бѣжать.

Подняли звѣри пискотно, шумъ да звонъ и разбудили старую летучую мышь. Спала она подъ балконной крышей, кверху ногами. Вытянула ухо, сорвалась, нырнула изъ темени къ свѣтлому колокольчику, прикрыла звѣрей крыльями да всѣхъ и съѣла.

Вотъ что случилось темною ночью, послѣ дождя, въ топучихъ болотахъ, посреди клумбы, около балкона.

ТОПОРЪ.

Пошелъ топоръ по дрова, постукиваетъ по горѣлымъ
пнямъ, посмѣивается:

— Моя воля, хочу зарублю, хочу мимо пройду, я
здѣсь хозяинъ.

А въ лѣсу береза росла, кудрявая, старымъ деревьямъ
на радость,

Увидалъ топоръ березу и закуражился:

— Кудрявая, я тебя покудрявлю, начну рубить, только
щепки полетятъ.— Испугалась береза:

— Не руби меня, топоръ, больно будетъ.

— А ну-ка поплачь!

Золотыми слезами заплакала береза, вѣтки опустила:

— Меня дождикъ въ невѣсты сваталъ, мнѣ жить хочется.

Захоталъ желѣзный топоръ, наскочилъ на березу,
только щепки полетѣли.

И заугрюмились деревья и пошли шептать про злое
дѣло по всему лѣсу темному, вплоть до калиноваго моста.

Срубилъ топоръ, повалилась береза и, какъ была,
легла, кудрявая, въ траву, въ цвѣты голубые.

Ухватилъ ее топоръ, поволокъ домой.

А итти топорю черезъ калиновыи мостъ. Мостъ ему
и говорить:

— Ты зачѣмъ въ лѣсу озорничаешь, сестеръ моихъ
рубишь?

— Молчи, дуракъ,—огрызнулся топоръ,—разсержусь
и тебя зарублю.

Не пожалѣлъ спины, крякнулъ и сломался калиновыи
мостъ, топоръ шлепнулся въ воду и потонулъ.

А береза поплыла по рѣкѣ въ Океанъ-море.

ГОРШОКЪ.

Къ ночи стряпуха умаялась, заснула на полу около печи и такъ захрапѣла—тараканы обмирали со страха, шлепались, куда ни попало, съ потолка да со стѣнъ.

Въ лампѣ надъ столомъ пованивалъ голубой огонекъ.

И вотъ въ печкѣ сама собой отодвинулась заслонка, изъ жерла вылѣзъ пузатый горшокъ со щипомъ и снялъ крышку:

— Здравствуй, честной народъ.

— Здравствуй,—важно отвѣтила квашня.

— Хи, хи,—залебезилъ глиняный противень,—здравствуйте!—и клонулъ носикомъ.

На противень покосилась скалка:

— Не люблю подлыхъ бесѣдъ,—сказала она громко,—охъ, чешутся чьи-то бока.

Противень нырнулъ въ печурку на шесткѣ.

— Не трогай его,—сказалъ горшокъ...

Грязный носъ вытерла худая кочерга и зашмыгала:

— Опять ругаетесь, нѣтъ на васъ Угомону; мотаешься, мотаешься цѣлый день, а ночью поспать не дадутъ.

— Кто меня звалъ?—зашепталъ Угомонъ подъ печкой.

— Это не я, а кочерга, это она сегодня по спинѣ стряпуху съѣздила,—наядбничала скалка.

Кочерга метнулась:—И не я, а ухватъ, самъ хозяинъ ухватомъ съѣздилъ стряпуху.

Ухватъ, разставивъ рога, дремалъ въ углу, ухмылялся.

Горшокъ надулъ щеки и молвилъ:

— Объявляю вамъ, что варить щей больше не желаю, у меня въ боку трещина.

— Ахъ, батюшки!—разохалась кочерга.

— Не больно надо,—отвѣтила скалка.

Противень выскочилъ изъ печурки и заюлилъ:

— Трещина, замасочкой бы, тѣстомъ тоже помогаетъ.

— Помажь тѣстомъ,—сказала квашня.

Грязная ложка молча соскочила съ полки, зачерпнула тѣсто и помазала горшокъ.

— Все равно,—сказалъ горшокъ,—надоѣло, лопну я и замазанный.

Квашня стала пучиться и пузырями щелкать—смѣялась.

— Такъ вотъ,—продолжалъ горшокъ,—хочу я, честной народъ, шлепнуться на полъ и расколоться.

— Поживите, дяденька,—вопить противень,—не во мнѣ же щи варить.

— Ты этого только и хочешь,—гаркнула скалка и нацѣлилась.

Отскочить успѣлъ противень, только носокъ отшибла ему скалка.

— Батюшки, драка!—заметалась кочерга.

Изъ печурки выкатилась солоничка и запикала:—не нужно ли кого посолить?

— Успѣешь, успѣешь насолить,—грустно отвѣтилъ горшокъ; онъ былъ старъ и мудръ.

Стряпуха стала причитать во снѣ:—родненькіе мои горшочки!

— Вотъ и дождались,—захныкала кочерга.

Горшокъ заторопился, снялъ крышку:—Прощай, честной народъ, сейчасъ разобьюсь.

И совсѣмъ уже съ шестка сигануть хотѣлъ, какъ вдругъ, спросонокъ, ухватилъ его рогами дурень ухватъ и махнулъ въ печь.

Противень прыгнулъ за горшкомъ, заслонка закрылась сама собой, а скалка скатилась съ шестка и ударила по головѣ стряпуху.

— Чуръ меня, чуръ меня...—залопотала стряпуха.

Кинулась къ печкѣ—все на мѣстѣ, какъ было.

Въ окошкѣ брезжилъ, словно снятое молоко, утренникъ.

— Затоплять пора,—сказала стряпуха и зѣвнула, вся даже выворотилась.

А когда открыла заслонку—въ печи лежалъ горшокъ, расколотый на двѣ половинки, щи пролились и шель по избѣ духъ крѣпкій и кислый.

Стряпуха только руками ударила.

И попало же ей за завтракомъ!

ПѢТУШКИ.

На избушкѣ бабы-яги, на деревянной ставнѣ, вырѣзаны девять пѣтушковъ. Красныя головки, крылышки золотыя.

Настанетъ ночь, проснутся въ лѣсу древяницы и кики-моры, примутся ухать да возиться, и захочется пѣтушкамъ тоже ноги поразмять.

Соскочать со ставни въ сырую траву, нагнуть шейки и забѣгають. Щиплютъ траву, дикія ягоды. Лѣшій падаетъ и лѣшаго за пятку ущипнуть.

Шорохъ, бѣготня по лѣсу.

А на зарѣ, вихремъ примчится баба-яга на ступѣ, съ трещиной и крикнетъ пѣтушкамъ:

— На мѣсто, бездѣльники!

Не смѣють послушаться пѣтушки и, хоть не хочется, прыгаютъ въ ставню и дѣлаются деревянными, какъ были.

Но разъ на зарѣ не явилась баба-яга—ступа дорогой раскололась совсѣмъ.

Радехоньки пѣтушки; побѣжали на чистую кулижку, взлетѣли на сосну.

Взлетѣли и ахнули:

Дивное диво! Алой полосой надъ лѣсомъ горитъ небо, разгорается; бѣгаетъ вѣтеръ по листикамъ; садится роса.

А красная полоса разливается; яснѣетъ.
И вотъ выкатило огненное солнце.
Въ лѣсу свѣтло, птицы поютъ и шумятъ, качаются
деревья.

У пѣтушковъ духъ захватило.
Хлопнули всѣ девять золотыми крылышками и за-
пѣли—кукареку!—Съ радости.

А потомъ полетѣли за дремучій лѣсъ на чистое поле,
подалее отъ бабы-яги.

И съ тѣхъ поръ на зарѣ просыпаются пѣтушки и
кукуречуть.

— Кукуреку, пропала баба-яга, солнце идетъ!

ВЕЛИКАНЪ.

У ручья подъ кустомъ стоялъ маленькій городокъ.
Въ маленькихъ домахъ жили человѣчки. И все было
у нихъ маленькое—и небо, и солнце съ китайское яблочко,
и звѣзды.

Только ручей назывался—Окіянь-море и кустъ—дре-
мучій лѣсъ.

Въ дремучемъ лѣсу жили три звѣря—Крымза двух-
зубая, Индрикъ звѣрь, да Носорогъ.

Человѣчки боялись ихъ больше всего на свѣтѣ.
Ни житя отъ звѣрей, ни покоя.

И кликнулъ царь маленькаго городка кличь:

— Найдется добрый молодець побѣдить звѣрей, за
это ему полцарства отдамъ и дочь мою Кузяву-Музяву-
Прекрасную въ жены.

Трубили трубачи два дня, оглохъ народъ—никому
головой отвѣчать не хочется.

На третій день приходитъ къ царю древній старецъ
и говоритъ:

— На такое дѣло, царь, никто не пойдетъ, кромѣ
ужаснаго богатыря великана, что сейчасъ у моря-окіяна
сидитъ и кита ловить, снаряди пословъ къ нему.

Снарядилъ царь пословъ съ подарками, пошли послы раззолоченые да важные.

Шли, шли въ густой травѣ и увидали великана; сидитъ онъ въ красной рубашкѣ, на желѣзный крюкъ змѣя надѣваетъ.

Приужахнулись послы, пали на колѣни, пищать.

А тотъ великанъ былъ мельниковъ внученьокъ Петька-Рыжій—рыболовъ.

Увидаль Петька пословъ, присѣлъ, ротъ разинулъ.

Дали послы Петькѣ подарки—зерно маковое, мушинный носъ, да сорокъ алтынъ деньгами и просили помочь.

— Ладно,—сказаль Петька,—веди меня къ звѣрямъ.

Привели его послы къ рябиновому кусту. Показали въ норѣ мышинный носъ.

— Вотъ эта и есть страшная Крымза двухзубая, сказали послы.

Мяукнулъ Петька по-кошачьи, мышка подумала, что это котъ, испугалась и убѣжала.

А за мышкой навозный жукъ топорщится, боднуть норовить рогомъ.

— А это кто?

— Носорогъ,—отвѣчаютъ послы,—всѣхъ дѣтей нашихъ уволюкъ.

Петька за спину носорога ухватилъ, да за пазуху! И повели его послѣ къ муравьиной кучѣ.

— А это Индрикъ-звѣрь,—сказали послы.

Индрикъ-звѣрь Петькѣ на руку заползъ и укусилъ за палець.

Петька разсердился и пустилъ муравья въ Окянъ-море.

— Ну что?—сказаль Петька и подбоченился.

Туть ему царь и царевна Кузява-Музява-Прекрасная и народъ бухъ въ ноги.

— Проси, чего хочешь!

Поскребъ Петька стриженный затылокъ:

— Вотъ когда съ мельницы убѣгать буду, такъ поиграть съ вами можно?

— Играй, да легонечко,—пискнулъ царь.

— Да ужъ не обижу.

Перешагнулъ Петька черезъ городокъ и побѣжалъ рыбу доуживать. А въ городкѣ во всѣ колокола звонили.

КУРИНЫЙ БОГЪ,

Мужикъ пахаль и сошникомъ выворотилъ круглый камень, посреди камня дыра.

— Эге,—сказаль мужикъ,—да это куриный богъ.

Принесъ его домой и говорить хозяйкѣ:

— Я куриного бога нашель, повѣсь его въ курятникѣ, куры цѣлѣе будутъ.

Баба послушалась и повѣсила за мочалку камень въ курятникѣ, около насѣста.

Пришли куры ночевать, камень увидѣли, поклонились всѣ сразу и закудахтали:

— Батюшка Перунъ, охрани насъ молотомъ твоимъ, камнемъ грозовымъ отъ ночи, отъ немочи, отъ росы, отъ лисиной слезы.

Покудахтали, бѣлой перепонкой глаза закрыли и заснули.

Ночью въ курятникъ вошла куриная слѣпота, хочеть изморомъ курь взять.

Камень раскачался и стукнулъ куриную слѣпоту—на мѣстѣ осталась.

За куриной слѣпотой слѣдомъ вползла лиса, сама, отъ притворства, слезы точить, приловчилась пѣтуха за шейку

схватить,—ударилъ камень лису по носу, покатиалась лиса кверху лапками.

Къ утру налетѣла черная гроза, трещить громъ, полыхаютъ молніи—вотъ-вотъ ударятъ въ курятникѣ.

А камень на мочалкѣ какъ хватить по насѣсту, попадали куры, разбѣжались, съ просонокъ, кто куда.

Молнія пала въ курятникѣ, да никого не ушибла—никого тамъ и не было.

Утромъ мужикъ да баба заглянули въ курятникъ и подивились:

— Вотъ такъ куриный богъ—куры-то цѣлехоньки.

СЕРЕБРЯНАЯ ДУДОЧКА.

Мама и папа уехали в гости, нянька в кухню про деревню разговаривает, а маленький Коля один в столовой сидит на диване и смотрит в темное окно...

У Коли черные глаза и родинка на губе.

За окном буря и вьюга.

Вздрагивает от ветра деревянный дом, звенит посуда в буфете и покачивается над столом лампа.

«Окно-то темное,—думает Коля»,—а за окошком ничего нет; а вдруг кто-нибудь смотреть, поднялся на цыпочки, приплюсиль нос к стеклу?»

Взоет, стонет вьюга, снегом кидает в стекла.

«Зачем она воет, — скучно ей или в дом просится? а, может, и не вьюга это, а чорт воет?»

Поглядывай — так и есть: снаружи, прижав тонкий, сь кисточкой, хвост к стеклу, сидит на подоконнике чорт, горбатенький, лица не видно, рожки только торчат, поджал чорт ноги и свистит в серебряную дудочку.

«Совсем не страшно», думает Коля и подходит к окну.

Подолгу и грустно тянет чорт, дудочку опустить, вздохнет и лохматым хвостом тук да тук в стекло.

Коля отворил форточку:

— Здравствуй, чортик!

Чорт козлиную морду, сь рыжей бородкой, обернул и улыбнулся, а глаза у него собачьи—грустные и добрые.

— Здравствуй, Коленка, — говорит чорт, — скучно тебь?

— Да, — сказал Коля и потянулся чорта поцеловать.

— Почему же папа и мама не взяли тебя сь собой?

— Шалил я очень, — ответил Коля и хотел заплакать.

— А как шалил?

— Не знаю, по-всякому. Я полководец, — зашептал Коля, — в кабинет через неприступны горы лазил, пролил чернильницу... а в шкапу индеец сидит, он и стекло разбил.

Чорт подумал.

— Что же тебь подарить, а?

— Подари мнѣ дудочку, милый чорт.

— Дудочку, — сказал чорт и жалобно улыбнулся, — хорошая у меня дудочка, заколдованная.

— Да я отдам, поиграю разок.

— Не в том дело, а не всякому играть на ней можно. Кто добрый—играй, сколько хочешь, а у кого злое сердце, зазовет дудочка безхвостаго-безглазаго. Тогда пропадеш пропадом.

— Я совсем не злой, — пристаеьт Коля, — дай дудочку. Вздохнул чорт, отдал Колю дудочку и сь окошка вь снег клубком скатился.

Встал Коля посреди комнаты, дунул, и заиграла тонко серебряная дудочка.

Снегом запахло; пропали и стѣны, и буфет, и лампа надь столом.

Повалил мягкий крупный снег, изь темноты закачались сосновыя ветви и зашумѣли важно деревья. А

за деревьями, принялись плясать звѣри. Хвосты лисьи метнулись; глаза поблескивают; облизнулся волчий язык, мяукнул дикий коть...

За дерево прокрался и сталъ черный человѣкъ.

Посмотрѣлъ на него Коля, испугался:—А ну, какъ черный человѣкъ—безхвостый-безглазый и за мной пришелъ? А у меня злое сердце?

Сталъ Коля вспоминать, чѣмъ онъ злой.

За деревомъ стоитъ человѣкъ, не уходитъ.

Падаетъ снѣгъ, танцуютъ звѣри, а Коля проситъ:

— Милая дудочка, сдѣлай такъ, чтобы не утащилъ меня черный человѣкъ за деревомъ, я не вспомню еще, чѣмъ я злой...

И грустно переливаясь, какъ птица, заплѣ серебряная дудочка:

— Лѣсной царь, лѣсной царь съ царевной идетъ!

И на поляну вышелъ, съ большимъ носомъ, низенькій, въ зеленой шубѣ, лѣсной царь, на головѣ корона изъ еловыхъ шишекъ.

Держась за рукавъ царя вышла лѣсная царевна въ красныхъ сапожкахъ.

Платье на царевнѣ синее, какъ небо.

Смѣется царевна, а въ рукѣ у нея золотой ларецъ.

Царь лѣсной сѣлъ на пенъ и спрашиваетъ:

— Что у васъ тутъ?...—и не могъ, улыбнулся, и толстый носъ у царя покраснѣлъ.

Тутъ волки и лисы отъ радости подскочили, упали кверху лапами, зайцы перекувыркивались, а бѣлки, и мышки, и ласки, хорьки-зеленые глазки, котята лѣсные, да барсучата, на свиныхъ ножкахъ, завизжали тоненькими голосами.

— Добрый человѣкъ на дудочкѣ играетъ, а мы пляшемъ, человѣкъ-то добрый.

— Добрый. Какъ хорошо,—засмѣялась царевна, ларчикъ поставила на пенекъ и захлопала въ ладоши.

— Добрый ли?—спросилъ царь и покосился на чернаго за деревомъ...—А это кто стоитъ?

Ощетинились звѣри, зарычали:—Это безхвостый-безглазый.

— Подойди-ка!—позвалъ безхвостаго-безглазаго царь лѣсной.

Разставилъ руки безглазый, ткнулся раза два объ дерево, подошель.

— Кто ты?—спросилъ царь.

— Коля!—отвѣтилъ безглазый...

«И правду», подумалъ Коля, «на губѣ у него родинка, какъ у меня».

— Врешь!—разсердился царь. — Коля около сосны стоитъ, на серебряной дудочкѣ играетъ, а ты кто?

— Это все равно: тотъ Коля маленькій, а я, когда онъ вырастетъ...

— Дудочка, сдѣлай такъ, чтобы я не выросъ,—попросилъ Коля.

А звѣри рычали, пятились, кто потрусливѣе, на деревья полѣзъ.

— Зачѣмъ же ты явился?—спросилъ царь.

— Услыхалъ серебряную дудочку и пришелъ за Колей маленькимъ, съ собой его увести, чтобы онъ ослѣпъ, какъ и я...

— Хорошо,—сказалъ царь,— за это я буду тебя судить... Звѣри, идите сюда.

Сѣли звѣри на хвосты въ кругъ, притворились, что думаютъ...

— Кто онъ?—спросилъ царь.

— Безхвостый-безглазый,—отвѣтили звѣри.

— Что онъ сдѣлалъ?

— Хотѣлъ маленькаго Колю увести отъ насъ и загубить...

— Виновать?

— Виновать, виновать.

— Теперь, — сказала лѣсной царь, — казнимъ его; дочка, твое это дѣло.

Засмѣялась лѣсная царевна, ларчикъ открыла и вынула оттуда мѣсяць...

Загорѣлся камнями, засіялъ чистый снѣгъ, повисли на деревьяхъ снѣжные, голубые цвѣты, закружились звѣзды, опускаясь на хвою, на звѣриную шерсть, на зеленую бороду царя.

Пощѣловала мѣсяць лѣсная царевна и спросила:

— Безхвостый-безглазый человѣкъ, ты ничего не видишь?

— Ничего, — отвѣтилъ безглазый.

— Такъ знай, — сказала царевна, — небо спустилось на землю и на землѣ стало такъ же свѣтло и весело, какъ на небѣ.

— Ничего я не вижу, — сказала безглазый и заплакалъ.

— Какъ же ты плачешь, — спросилъ царь, — у тебя и глазъ нѣтъ?

— Сейчасъ нѣтъ, а раньше были у меня глаза, — отвѣтилъ безхвостый-безглазый. — Сдѣлай такъ, чтобы я не плакалъ...

— Сдѣлай! — повторилъ Коля.

Тогда царь, царевна и звѣри переглянулись и сказали:

— Подойди Коля маленькій. Дунь въ сердце безглазому-безхвостому, пусть не плачетъ онъ больше...

Серебряную дудочку приставилъ Коля къ сердцу безглазаго-безхвостаго и дунулъ... и сразу покраснѣлъ немножко, пополнилъ безглазый и открылъ глаза...

— Ахъ! — сказала онъ и сталъ руками ловить звѣзды.

— Ну, а теперь иди, — сказала царь, — и никогда больше не слѣпни...

И человѣкъ ушелъ, и все оглядывался.

А изъ-подъ зеленой царской шубы вывернулся чортъ и сказалъ:

— Весело тебѣ было, Коленка?

— Весело, милый чортъ.

— Ну, а теперь давай мнѣ дудочку, пойду на окошкѣ пѣсни доигрывать...

Схватилъ дудочку чортъ, на окно прыгнулъ и засвистѣлъ, и лохматымъ хвостомъ по стеклу тукъ да тукъ.

Когда Коля проснулся, на стеклахъ горѣли морозные узоры и искрилось сквозь нихъ голубое небо, чистое, ясное, утреннее...

Коля закричалъ:

— Мама, мама, небо спустилось на землю, на землѣ такъ же свѣтло и весело, какъ на небѣ.

СОЛНЕЧНЫЯ ПЪСНИ.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ.

Дождикъ сквозь солнце, крупный и теплый,
Шумить по травѣ,
По синей рѣкѣ,
И круги да пузырьки бѣгутъ по ней,
Легъ тростникъ,
Пушистыя торчатъ початки,
Въ нихъ накрѣпко стрекозы вцѣпились,
Паучки спрятались, поджали лапки,
А дождикъ поливаетъ:

Дождикъ, дождикъ пуше
По зеленой пушѣ;
Чирики, чигирики,
По рѣкѣ пузырьки;
Пробѣжалъ низенько,
Омочилъ мокренько;
Ой, ладога, ладога,
Золотая радуга.

Рада бѣлая береза:
Обсыпалася почками,
Обвѣсилася листочками.

Гроза гремитъ, женихъ идетъ,
По солнцу дождь—весенній медъ,

Чтобъ, бѣлую да хмельную,
Укрыть меня въ постель свою,
Хрустальную,
Вѣнчальную...
Иди, женихъ, замрѣла я,
Твоя невѣста бѣлая...

Обнялъ, осыпалъ дождикъ березу,
Прошумѣлъ по листьямъ,
Непутевый;
Золотой мостъ черезъ рѣку кинулъ,
И помчался къ синему бору...
По мокрой травѣ парень да дѣвушка босикомъ бѣгутъ,
Уговариваетъ парень:

Ты не бойся, пойдѣмъ,
Хороводъ за селомъ,
Созовемъ, заведемъ;
И, подъ пѣсельный гласъ,
Обведутъ девять разъ,
Обручившихся, насъ;
Этой ночью красу—
Золотую косу
Расплету я въ лѣсу.

Сорвала дѣвушка мокрый лопухъ,
Прикрылась:

А парень приплясываетъ:

На меня погляди,
Удалѣ найди;
Говорять обо мнѣ,
Что дѣвицы во снѣ
Видять, около,
Ясна сокола.

А въ бѣлой рубахѣ дѣдъ перевозчикъ—давно поджидаетъ,
Поглядываетъ на горку...
Сбѣжали парень да дѣвушка,

Отпихнуть дѣдъ перевозъ;
Жалко ему внучки, сталъ рѣкѣ выговаривать:

Ты рѣка, Бугай, серебромъ горишь,
Скатнымъ жемчугомъ по песку звенишь;
Ты прими, Бугай, вѣно дѣвичье,
Что даю тебѣ, мимо вѣдучи:
Отдаю людямъ дочку милую,—
Охрани ее водной силою
Отъ притыки, отъ глаза двуглазаго,
Отъ двузубаго, лѣшаго, банника,
Отъ гуменника, чернаго странника,
Отъ шишиги и нежитя разнаго.

И спустилъ въ рѣку узелокъ съ хлѣбомъ-солью.
Дѣвушка къ водѣ перегнулась,
Омокнула пальцы,

Тронула виски, грудь и животъ:

Я тебѣ, рѣка, кольцо скую—
Научи меня молоденькую,
Какъ мнѣ съ мужемъ рѣчь держать,
Ночью въ губы цѣловать,
Пѣть надъ люлькой пѣсни женскія,
Домовья, деревенскія.
Научи, сестра-рѣка,
Будетъ счастье ли, тоска?

А въ село дѣвушкамъ
Сорока—ворона на хвостѣ принесла,
Все доложила:
Бѣгите къ рѣчкѣ скорѣ!
Набѣжали дѣвушки къ рѣчкѣ,
Закружились хороводомъ на крутомъ берегу,
Въ кругъ вышла молодуха,
Подбоченилась,
Грудь бѣлая, брови тонкія,
Звякнула монистами:

Какъ по лугу, лугу майскому
Заплетались хороводами,
Хороводами купальскими,
Надъ русалочьими водами.
Звѣзды кружатся далекия,
Посреди ихъ мѣсяць соколомъ,
А за солнцемъ тучки легкия
Ходятъ кругомъ, ходятъ около.
Вылѣзайте, мавки, душеньки,
Изъ воды на волю-волошку,
Будемъ, бѣлыя подруженьки,
Хороводиться по полюшку.

А со дна темные глаза глядятъ:
Распустили русалки—мавки косы зеленыя:

Намъ бы вылѣзти охота,
Да боимся солнца;
Опостылѣла работа,
Колеть веретенце.
На закатѣ подь ветлоу
Будемъ веселиться,
Вась потѣшимъ ворожбою,
Красныя дѣвицы.

Обнялъ дѣвушку парень,
Кричитъ съ перевоза:

Хороните, дѣвки, день,
Закликайте ночку—
Подобрался ключь—кремень
Къ алому замочку.
Кто замочекъ отомкнетъ
Лаской или силой,
Соберетъ сотовый медь
Батюшки Ярилы.

Ухватили дѣвушки парня да невѣсту,
Побѣжали по лугу,

Окружили, заплѣли:

За телкою, за бѣлоу
По полю, полю синему
Ядреный быкъ, червленьый быкъ
Бѣжалъ, мычалъ, огнемъ кидаль:
Ужъ тебя я догону, догону,
Молодую, полною, полною!
А телушка, а бѣлая,
Дрожала, вся замрѣлая—
Нагонитъ вотъ, спалитъ, сожжетъ;
Бѣжитъ, молчитъ и сердце мретъ.
А быкъ нагналь,
Червленьый, палъ:
Ужъ тебя я полонилъ, полонилъ,
Въ прѣскахъ воду отворилъ, отворилъ,
Горы, доли оросилъ, оросилъ.

Перекинулся дождикъ отъ лѣса,
Да подхватилъ,
Да какъ припустился
По травушкамъ, по дѣвушкамъ,
Теплый да чистый:

Дождикъ, дождикъ пуще
По зеленой пущѣ;
Чирики, чигирики,
По водѣ пузырики,
Пробѣжалъ низенько,
Омочилъ мокренько;
Ой ладога, ладога,
Золотая радуга!
Слава!

КУПАЛЬСКІЯ ИГРИЩА.

Дни купальныя—
Вѣнчальныя:
Богъ сочетается съ красной дѣвѣй—
Зарей Заряницей.
Окомъ пламеннымъ въ землю глядитъ!
И земля замираетъ,
Цвѣты вырастаютъ,
Деревья кудрявя,
Травы.
Окомъ пламеннымъ въ рѣки глядитъ!
И не въ мочь разгорѣвшимся водамъ,
Текутъ онѣ медомъ,
Желтымъ и старымъ,
По бродамъ
И ярамъ.
Окомъ пламеннымъ въ сердце глядитъ,
Богъ Купало,
Любый, травникъ, лихъ...
Сердце ало,
Загорается...
Явись, воплотись, богъ и женихъ!
Чудо свершается—
Богъ во Козла воплощается...

Въ рѣчкѣ воды—желтый медъ,
Пьяный медъ,
Бѣлый къ намъ Козель идетъ,
По лучамъ по цвѣтамъ,
По зеленымъ берегамъ...
Къ намъ, дѣвѣйцы,
Заряницы,
Поутру женихъ—
Козель идетъ,
Круторогій намъ
Дары несетъ,
У него вѣнецъ
Золотыхъ колець.
Бѣлую шерсть уберите
Хмелемъ и алой гвоздикой!
Дѣвушки! Ницѣ упадите—
Съ нами Купало великій,
Съ нами Козель нашъ, дѣвѣйцы!
Скиньте, сорвите паневы!
Гдѣ ты, Заря Заряница!
Гдѣ ты, невѣста любовная!

Ищеть невѣсту Купало,
Круторогій, кудрявый...
Въ тѣло очами глядитъ,
Гдѣ ты, Заря Заряница!
Красная дѣвица!
Вотъ она кружится, дѣвица бѣлая,
Тонкая, быстрая, злая, несмѣлая.
Ты ль жениха не ждала,
Въ небѣ зарею цвѣла,
Алая, усталая...
Ты ли вино не пила,
Поясъ тугой сорвала,
Дикая, ясноликая...

Заря Заряница!
Красная дѣвица!
Нашель козель невѣсту,
Выбралъ дѣвицу, любовнѣе всѣхъ.
Возьми ее, возьми ее,
Веди ее на рѣку,
Въ меду купать, въ меду ласкать,
Купало! Купало!
Люби ее, люби ее,
Веди ее по хмелю;
Недѣлю пить, до пьяна пить,
Купало! Купало!
Цѣлуй ее, цѣлуй ее,
До крови невѣсту!
Твоя любовь—на тѣлѣ кровь!
Купало! Купало!

ОСЕННЕЕ ЗОЛОТО.

Нѣтъ больше лѣта,
Не свистятъ зеленыя иволги,
Грибами пахнетъ...
Пришелъ къ синей рѣкѣ козленокъ,
Заигралъ на тростинкѣ,
И запечалились мавки-русалки:
Тонкая сапѣлочка плачетъ надъ водой,
Спой осеннимъ мавамъ ты, козликъ золотой.
Падаютъ съ березы послѣднія одежды,
Небо засинѣлось печалью безнадежной...
Лебеди срываются отъ затонныхъ водъ...
Скоро нашъ козленочекъ за море уйдетъ.
Поетъ на тростинкѣ козленокъ:
Я пойду не за море—
За море далеко;
Я пойду не за горы—
За горы высоко!
А пойду я въ красный
Лѣсъ густой,
Набреду на ножикъ,
Острый, злой:
Упаду на травы,

Закричу,
Обольюся кровью
По мечу.

Печалятся мавки, расплескали воду:
Горе намъ, горе, осеннія красавицы!
Хочеть нашъ пѣсельникъ до смерти кровавиться!
Падайте листья, стелитесь желтоалые,
Мы убаюкаемъ глазыньки усталые...
Спи, спи, усни...
Волна бѣжить
По берегу;
Трава лежитъ,
Примятая...
Волна травѣ:
Ты слышала—
Она идетъ,
Осенняя,
Прекрасная,
Вся въ золотѣ
И тлѣніи,
Печальная,
Пурпурная...
Спи, спи, усни,
Въ листы склони
Головушку,
Рога златые
Въ травушку...
Она идетъ,
Тебѣ поеть:
Спи, спи, усни,
Козленочекъ.

ЗАМОРОЗКИ.

Сковало морозомъ рѣку,
Хватило траву,
Пожелтѣлъ камышъ,
Спуталась на низкомъ берегу осока...
На ледъ выбѣжала дѣвушка
Въ бѣлыхъ чулкахъ, лисьей шубкѣ:
Я по рѣчкѣ иду
И боюсь и смѣюсь,
По хрустящему льду
Башмачкомъ прокачусь...
Ахъ ты, дѣвица, дѣвица, дѣвица...
Много молодцовъ любить, надѣются.
Я во льду голубомъ
Залобуюсь собой;
Въ шапкѣ съ бѣлымъ перомъ
Будеть суженый мой...
А ты, дѣвица, дѣвица, дѣвица...
Только соколы Финисть тебѣ грезится.
А морозъ, словно листъ
Разрумянилъ лицо;
Подарить мнѣ Финисть
Золотое кольцо.

Ахъ, ты, дѣвица, дѣвица, дѣвица...
Что-то нынче такъ радостно вѣрится.
Добѣжала до березоваго острова:
Не гуллитъ голубка гулливая,
Холодна водица подъ ивою,
И не грѣетъ небушко синее,
И бѣлы березушки въ инеѣ.
Подобрала шубку, съла дѣвушка, загрузила:
Выходила на зарѣ,
Липѣ, древу на дворѣ,
Въ вѣтви бросила монисто,
Ворожила и спросила
Липу, дерево дѣвичье:
Не свистѣлъ ли про Финиста,
Лада—липа, голосъ птичий?
И не знала липа о соколѣ,
Не сказала—близко, далеко ли.
Спрашивала лѣто,
Осень золотую,
Непогодъ глухую—
Не было отвѣта.
Облокотилась дѣвушка,
Упали у нея черныя рѣсницы...
И разступились, покачнулись березы,
Вышелъ бѣлый теремъ
О двѣнадцати башняхъ, на нихъ двѣнадцать головъ мед-
вѣжкихъ.
Въ терему окно стукнуло,
Вылетѣлъ бѣлый соколъ и обернулся
Финистомъ:
Дѣвушка, меня ты ждала?
Зимушка меня позвала;
За море леталь я весной,
Жемчугъ собираль и опаль,

Теремъ голубой убираль...
Дѣвушка, пойдешь ли со мной?
Падаеть сердце дѣвичье,
Въ губы цѣлуетъ Финистъ:
Дѣвушка моя, не тоскуй,
Зимняго меня поцѣлуй...
Я сыграю на свирѣли:—
На твоей горять постели
Янтари;
Я тебя, мою голубку,
Заверну въ соболью шубку
До зари;
Спи, не тронетъ сонъ ни свекоръ,
Ни свекровь...
Спи, съ тобою бѣлый соколъ
И любовь...
Встаетъ, шатается дѣвушка,
Смѣются медвѣжки головы...
Зазвенѣло вдругъ по рѣкѣ,
Позыкнулось въ рошѣ:
На березѣ бѣлый дѣдъ,
Подъ березой сиѣгу нѣтъ!
То ребята бѣгутъ, гонять дубинками котяшй по рѣкѣ...
Побѣлѣлъ Финистъ, дрогнулъ
И пропаль онъ, и теремъ медвѣжий.
Набѣжали ребята,
Дѣвушку въ салазки посадили—
Покатили—смѣяться не поспѣешь:
На дѣвушкѣ сарафанъ,
Алымъ шелкомъ бѣлый тканьъ;
Что ты, ясная, блѣдна,
Ходишь по лѣсу одна?
Станемъ дѣвушку катать,
Зимней пѣсней величать:—

Царица лѣдная,
Зима бурная,
Будь наша мати,
Дай переждати
Твои метели
Въ веселой хатѣ,
Гдѣ бы пѣсни пѣли
Парнямъ дѣвѣицы...
Зима царица!
Бѣлая птица!
Снѣжная пава!
Слава.

ПАСТУХЪ.

Утромъ росы не хватило,
Стонеть утроба земная.
Сверху-то высь затомила—
Матушка степь голубая.
Быкъ, на цѣпи золотой,
Въ небѣ высоко реветь...
Вонь и корова плыветъ,
Быкъ увидаль, огневой...
Вздыбился, паль...
Синь подь коровою.
Ухъ... загремѣлъ, засверкалъ
Грудью багровою;
Брагой медовою
Тучно истекъ.
Зелень ковровую
Вымылъ потокъ.
Пуще того духовитая
Дышитъ страда...
Лоснятся, Богомъ омытыя,
Въ полѣ стада.

ПОЛДЕНЬ.

На косѣ роса горить,
Подъ косою трава свистить;
Коростель кричитъ въ болотѣ;
Въ пышномъ полѣ, отъ зари,
Распотѣшились въ работѣ,
Распотѣли косари.
Солнце пышитъ желтымъ жаромъ
И звенить трава подъ жаломъ:
«По кошнинѣ лапоткомъ
За переднимъ ходокомъ».
Пѣсни долгія звенять,
Красны дѣвки ходятъ въ рядъ;
Разстегнулись паневы,
Тѣло бѣлое горить:
«Звонче пойте, чернобровы,
Только старый въ полдень спитъ».
Солнце пышитъ желтымъ жаромъ
И звенить трава подъ жаломъ.
«По кошнинѣ лапоткомъ
За переднимъ ходокомъ».

ЗОЛОТО.

Загуляли по нивѣ серпы;
Желтымъ колосомъ, мѣрно кивая,
Зашепталася рожь золотая,
И усѣлись рядами снопы.
Низко свѣсили кудри горячія,
Словно солнцевы дѣти, въ парчѣ...
Обливаетъ ихъ солнце стоячее,
Разгорается сила въ плечѣ.
Медвянымъ молокомъ наливное
Проливается въ горсти зерно...
Охъ ты, солнце, мое золотое!
Охъ ты, высь, голубое вино!

Гаснетъ въ утренникъ звѣзда;
Взрѣжетъ землю борозда...
И гудать, скрипять сошники
И ярмо качаютъ быки,
Бѣлый да красный.
Не хоронитъ передъ зарей лица,
Въ алыхъ солнце тучахъ моется;
И, пластами до рѣки,
Емлютъ землю сошники.
«Зерна ярья мои
Въ чревѣ, черная, таи.
Станутъ зерна стебелиться,
Стебель тонкій колоситься,
Солнце ляжетъ на поля—
Стеблю влаги дай, земля!..
Я приду къ тебѣ, моя мать,
Золотые снопы поснимать;
Я снопы смолочу до зари
И три мѣры насыплю я, три.
Мѣру первую и полную мою
Богу Господу Иисусу предаю;
А вторую князю, въ красномъ терему;

Третью мѣру въ землю—чреву твоему!
Въ пашню зерна золотыя полегли,
Возлелѣй ихъ, чрево черное земли».

Перепелка припала въ травѣ,
 Зазвенѣла стрѣла въ тетивѣ,
 И впиалась между крылышекъ мѣдь,
 А трава начинала шумѣть.
 Ты зачѣмъ зашумѣла, трава?
 Напугала ль тебя тетива?
 Перепелочья ль кровь горяча,
 Что твоя закачалась парча?
 Или вѣтромъ по полю умчалось безъ края
 Неизносное горе мое?
 Но не ты ли, трава, шелестя и кивая,
 Роковое сокрыло копьё.
 И, какъ птица въ тебѣ, золотая подруга
 Отъ татарина злого бѣгла.
 Натянулась татарская, мѣтко и туго,
 И подругу догнала стрѣла.
 И приникла змѣею и въ дѣвичью спину,
 Закровавивъ, до перьевъ ушла.
 Такъ не съ этой ли крови колышешь равнину
 И по вѣтру волной полегла?

Снопъ тяжель золотымъ зерномъ,
 А рука могучно дрожью.
 Размахнусь только разъ цѣпомъ,—
 Гулкій токъ весь засыплю рожью;
 На лопату зерно приму
 Кину въ вѣтеръ, чтобъ снесъ мякину,
 Чистый хлѣбъ соберу въ суму,
 И на плечи ту сумку вскину.
 Въ гридни княжки пойду, хвалясь:
 Кто суму приподниметъ, князь?
 За столы, подбоченясь, сяду.
 Приподнять никому не въ мочь,
 И зоветь князь невѣсту дочь,
 Что гуляетъ въ вѣнцѣ по саду.
 Вотъ, Настасья, тебѣ женихъ!
 Колокольни дрожать отъ гула,
 И слѣпецъ запѣваетъ стихъ:
 Буди живъ, богатырь Микула!

ТАЛИСМАНЪ.

Родила меня мать въ гололедицу,
Умерла отъ лихого житья;
Но пришла золотая медвѣдица,
Пѣствовала чужое дитя.
Въ полнолуны водила на проськи,
Ворожила при ясной лунѣ.
И росли золотые волосики
У меня на груди и спинѣ.
Языку научила змѣиному
И шептанью священныхъ дубравъ;
Я въ затонахъ внималъ шелестинуму,
Заунывному голосу мавъ.
Но ушла золотая медвѣдица,
На прощанье дала талисманъ...
Оттого-то поется, и грезятся
Мнѣ лѣса, и рѣка, и туманъ.

ЛЪШАКЪ.

Всѣ, то мавы танцовали
Крѣгомъ, около, у пня;
Заклинали, отогнали,
Неумнаго, меня.
Всю-то, ночьку, одинокій,
Просидѣлъ я на бугрѣ;
Затянулся поволокой
Бурый мѣсяць на зарѣ.
Встало солнце и козлиный
Загудѣлъ въ крови потокъ.
Я тропой поползъ змѣиной
На еще горячій токъ.
Подъ сосной трава пририта,
Вянуть желтые вѣнки;
Опущу мои копыта
Въ золотые лепестки...
Берегись меня, прохожій!
Смѣху тихому не вѣрь.
Неумный, непригожій,
Сынъ я Солнца—богъ и звѣрь.

Койтъ встаетъ на закатѣ, зоветъ Эммарику;
 А лѣса между ними завалены снѣгомъ;
 Старый Сиверь приподнялъ холодную пику
 И летитъ на оленяхъ—бѣлесомъ и пѣгомъ.
 Койтъ зоветъ Эммарику:—приди, моя зорька,
 И возьми у меня золотое свѣтило!
 А она:—не могу—караулить насъ зорко
 Снѣжнокудраго Сивера вьюжная сила.
 Сосны сини и снѣгъ между соснами синій.
 Плачетъ Койтъ, простирая къ возлюбленной пальцы.
 А отъ слезъ опускается на землю иней,
 И въ сугробахъ пушистые прыгаютъ зайцы.

Въ кругъ дѣвичій посадите,
 Гостя чаркой обнесите;
 Ой, гусларь! Ой, гусларь!
 Спой про сокола-Финиста,
 Про чеканное монисто;
 Ой, гусларь! Ой, гусларь!
 Ладомъ въ ладушки ударимъ,
 Краснымъ золотомъ одаримъ;
 Ой, гусларь! Ой, гусларь!
 Струны мои, струны неурывчаты!
 Пѣсни мои, пѣсни переливчаты!
 Думы мои за море летятъ;
 За моремъ три старицы стоятъ,
 Старицы клобушныя, да мудрыя,
 Спрятали царевну на Словуть-горѣ.
 По морю, по камушкамъ пойду я,
 Пѣснями царевну расколдую;
 Струны мои серебромъ разсыпятся,
 Встанетъ царь-дѣвица въ алой зыбицѣ,
 Жемчугомъ расшитый сарафанъ...
 Здравствуй ты, царевна Самаканъ!
 Не понять вамъ пѣсни, дѣвицы,

Золотой не разгадать,
И въ царевниѣ теремъ лѣстницы
Ни почто не отыскать.
Поклонился гусярь дѣ полу,
И пошелъ въ студеную ночь,
Отъ гостей отъ чарки прочь,
И заплѣлъ, заплакалъ по полю.
Звѣзды мои, звѣзды голубыя,
Очи царь-дѣвицы золотыя...
Синее ты небо запрокинулось,
Пѣсню мою смертную я кину ввысь,
Пѣсню о царевнѣ-Самаканѣ...
Сыпь же, вѣй же серебромъ, бурань.

Л Е Л Ъ.

Опенками полно лукошко,
А масленикъ некуда дѣтъ;
На камнѣ червивомъ морошка
Раскинула тонкую сѣть.
И мохъ, голубой и пахучій,
Окуталь поваленный пенъ;
Летаютъ по хвоѣ горячей
Кружками и свѣты и тѣнь.
Шумятъ, вѣковѣчныя, важно
И пихты, и сосны, и ель...
А въ небѣ лазоревомъ бражно,
Хмѣльной, поднимается Лель.
Виномъ одурманены пчелы
Въ сырое дупло полегли.
И стрѣль его сладки уколы
Въ горячія груди земли.

С Е М И К Ъ .

Охъ, кукуется кукушкѣ во лѣсу!
Заплетите мнѣ тяжелую косу;
Свейте, дѣвушки, вѣночекъ не великъ—
Ожила береза-древо на Семикъ.
Охъ, Семикъ, Семикъ, ты выгналъ изъ бучиль,
Водяницъ съ водою чистой разлучилъ,
И укрылъ ихъ во березовый вѣнецъ.
Мы навѣсимъ много серегъ и колець:
Водяницы, молодицы,
Бѣлы утицы,
Погадайте по вѣнку,
Что бросаемъ на рѣку.
По водѣ вѣнокъ плыветь,
Парень сокола зоветъ,
Принести велитъ вѣнокъ
Въ златоверхій теремокъ.
Ой, родненьки!
Ой, красныя!
Ой, страшно мнѣ,
Молоденькой.

Д О Д О Л А .

Надъ прохладною водою изъ кринницъ
Снимемъ платье съ той, что краше всѣхъ дѣвиць,
Тѣло нѣжное цвѣтами опрядемъ,
По селеніямъ Додолу поведемъ,
Осыпаемъ всѣхъ прохожихъ ячменемъ,
Князя-солнце нашей дѣвицѣ найдемъ.
Вонъ по небу, свѣтель силою и лихъ,
Ходитъ, саблею играетъ князь-женихъ...
Ужъ ты саблей тучу напoлы руби,
Въ рогъ златой по горнимъ доламъ затруби!
Воструби—зови, а мы къ тебѣ идемъ,
Во цвѣтахъ Додолу красную ведемъ...
На, возьми ее, ожги ее огнемъ...
Мы надъ нею вѣтви сѣнію согнемъ.

ЛѢСНАЯ ДѢВА.

Хмарь дерева кутасть,
Мнѣ дороги путасть,
Вопить дикій курь.
Дѣвушка весенняя!
Вонь метнулась тѣнь ея...
Кто тамъ? Чурь мнѣ чурь!
Въ очи хвоей кинула
И въ пещерѣ сгнула...
А въ сырую мглу
День пустиль стрѣлу.

П Л А Ч Ъ.

Ночь — глухая темь;
Всѣхъ дверей-то семь.
За дубовыми,
Мѣдью кованными,
Быкъ сидить.
У семи дверей
Семиглавый змѣй.
На завалинѣ—
Сѣромъ каменьѣ,
Крѣпко спить.
Поднимаетъ ликъ
Златорогій быкъ,
Рабѣгается,
Ударяется
Рогомъ въ дверь.
Но тверды замки,
Не сломать доски.
Горе черное!
Дверь упорная!
Силень звѣрь.
Гдѣ жъ ты, мечъ-топоръ —
Кладенецъ востеръ?

Въ морѣ лоненномъ
Похороненный
Синій мечъ!
Эхъ, найти бы мнѣ
Острый мечъ на днѣ!
Змѣю старому,
Звѣрю хмарному
Главы събъчь.

ЗА СИНИМИ РѢКАМИ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Похоронные плачи запѣваетъ
Вьюга надъ пустыней,
И по савану саванъ устилаетъ,
Холодный и синій.
И тоскуютъ ослѣпшія дѣточки,
Въ волосикахъ снѣжныхъ;
И ползуть они съ вѣтки на вѣточку—
Не жалко ей нѣжныхъ.
Засыпаютъ снѣгами колючими
Незрячіе глазки;
И ныряютъ межъ тучами-кручами
Голубья салазки.
И хоронятся зяблые трупики—
Ни счету ни краю...
...Не кричи, я баюкаю, глупенькій!
Ой баюшки баю.

Помоги намъ, Пресвѣтлая Троица!
 Вся Москва-рѣка трупами кроется...
 За стѣнами, у мѣста у лобнаго,
 Залегло годуновское логово.
 Бирюки отъ безлюдья и голода
 Завывають у Бѣлаго города;
 Опускаются тучи къ Московію,
 Проливаются сѣрой да кровію;
 Засѣваются нивы подъ хлябями,
 Черепами, суставами рабыми;
 Загудѣло по селамъ и по стени
 Отъ желѣзной, невидимой поступи;
 Разступилось нагорье Печерское;
 Породились зародыши мерзкіе...
 И бѣжала въ лѣса буераками
 Отъ сохи черносошная земщина...
 И поднялась на небѣ, отъ Кракова,
 Огнехвостая, мертвая женщина.
 Кто отъ смертнаго смрада сокроется?
 Помоги намъ, Пресвѣтлая Троица!

Лихо людямъ въ эту осень:
 Лѣсъ гудить отъ зыковъ рога—
 Идутъ Обры, выше сосень,
 Сѣрый пепель ихъ дорога.
 Дымъ лѣсной вползаетъ къ небу,
 Жалятъ тѣло злыя стрѣлы;
 Страшенъ смирному Дулѣбу
 Синій глазъ и волосъ бѣлый.
 Дѣти сѣвернаго снѣга
 На оленяхъ ѣдутъ, наги;
 Не удержать ихъ набѣга
 Волчи ямы и овраги.
 И Дулѣбъ кричить по-птичьи;
 Жены, взнузданы на возжи,
 Волокутъ повозки бычьи,
 Зло смердятъ святыя рощи.
 Обры, кинувъ станъ на Пселѣ,
 Бѣленою трутъ колѣни;
 За кострами, на приколѣ,
 Воютъ черные олени.
 Такъ прошли. Съ землей сравнялись...
 Море ль ихъ укрыло рати?
 Только въ тѣхъ лѣсахъ остались
 Рвы да брошенные гати.

ЗМЪИНЫЙ ВАЛЪ.

Широкъ разлился синій Бугъ.
По берегу ограда.
Кузнецъ куетъ желѣзный плугъ,
Въ саду гуляетъ лада.
«Кузнецъ,—кричить,—оставь ковать:
Волна бѣжитъ на камень;
То змѣй спѣшитъ меня ласкать
Мнѣ страшень дымъ и пламень».
Кузнецъ хватилъ клещи въ огонь,
На дверь надвинулъ болты.
А змѣй скакаль, встряхая бронь,
По брюху ржаво желтый.
«Открой, кузнецъ!» былъ скорый зыкъ;
Сквозь дверь лизнуло жало;
Словилъ кузнецъ клещьми языкъ,
Калеными до ала.
Завылъ отъ боли змѣй и вдругъ
Затихъ: «пусти на волю».
Кузнецъ сказалъ: «впрягайся въ плугъ,
Иди, ори по полю».
И змѣй пошелъ и прахъ степной
Съ бразды поднялся тучей.

Къ закату змѣй истекъ слюной
И всталъ, хрипя, надъ кручей...
По ребрамъ билъ его кузнецъ...
А окіанъ червленый
Гудѣлъ. И змѣй, согнувъ крестецъ,
Припаль къ водѣ соленой...
И пиль, мутя волну съ пескомъ,
Раздулся выше горъ онъ...
И лопнулъ... Падалью влекомъ
На камнѣ гремя воронъ.

СКОМОРОХИ.

Изъ болоть да лѣсовъ мы идемъ,
Озираемся, пѣсни поемъ;
Нехорошія пѣсни—бирючьи,
Будто осенью мокрые сучья
Раскачала и плачется ель,
Въ гололедицу свищетъ метель,
Воетъ песь на забытомъ курганѣ,
Да чернѣется яма въ бурьянѣ,
Будто сына зарѣзала мать...

Мы на свадьбу идемъ пировать:
Пированье—браги нѣтъ,
Цѣлованье—бабы нѣтъ,
И безъ пѣсенъ пиво—квась,
Принимай хозяйинъ насъ.

Хозяину, хозяйошкѣ—слава;
Невѣстѣ да молодцу—слава!
Всѣмъ бородамъ поклонъ да слава!

А намъ, дуракамъ, у порога сидѣть,
Въ бубенцы звенѣть да пѣсни пѣть,
Пѣсни пѣть, на гусяхъ играть,
Подъ гусярный звонъ веселѣ плясать...
Разговаривай звончѣ бубенцы!
Ходу, ходу, руки, ноги,—лапотцы...

Напоиль, хозяйинъ, допьяна виномъ,
Такъ покажь, гдѣ до разсвѣта отдохнемъ;
Да скажи-ка, гдѣ лежитъ твоя казна,
Чтобъ ошибкою не взять ее со сна;
Да укажь ка гдѣ точило мы найдемъ—
Поточить ножи булатные на немъ:
Ножъ булатный скажетъ сказку веселѣй...
Проливай-ка брагу красную полнѣй...
Скоморохи, скоморохи, удалцы!
Стономъ стонуть скоморошья бубенцы!

Какъ лежу я, мѡлодецъ, подъ Сарынь горою,
 А ногами рѣзвыми у Усы рѣки...
 Придавили груди мнѣ крышкой гробовою,
 Заковали рученьки въ мѣдные замки.
 Каждой темной полночью приползають змѣи,
 Припадають къ вѣлкамъ мнѣ и сосутъ до дня...
 А и землю-матушку я просить не смѣю—
 Отогнать змѣеньшей и принять меня.
 Лишь тогда, какъ изстари, отъ Москвы Престольной
 До степного Яика грянетъ мой ясакъ—
 Поднимусь я, старчище, вольный, иль невольный
 И пойду по водамъ я — матерой козакъ.
 Двѣ змѣи заклятыя къ вѣлкамъ присосутся,
 И за мной потянутся черной полосой...
 По горамъ, надъ рѣками города займутся
 И година лютая будетъ мнѣ сестрой.
 Пронесутся знаменья красными столпами;
 По землѣ протянется огневая вервь;
 И придуть Алаписы съ песьими главами,
 И въ поляхъ младенчики поползуть, какъ червь.
 Задмятся кровію всѣ лѣса и рѣки;
 На проклятыхъ торжищахъ сотворится блудъ...
 Мнѣ тогда змѣеньши приподнимуть вѣки...
 И узнають Разина. И настанетъ судъ.

Наползають мѣдныя тучи,
 А изъ нихъ вѡроны грають.
 Отворяются въ стѣнѣ ворота.
 Выѣзжають злые опричники
 И за рѣкой трубы играють...
 Взмѣсятъ кони въ ростопель
 Кровь съ пескомъ горючимъ.
 Вотъ и мнѣ, вольному соколу,
 Срубятъ голову саблей
 Злые опричники.

ВЪДЬМА-ПТИЦА.

По Волхову струги бѣгутъ,
Расписаны, червленые...
Валы плеснуть, щиты блеснуть,
Звенять мечи каленые.
Варяжій князь идетъ на рать
На Новгородъ изъ-за моря...
И алая, на горе знать,
Надъ Волховомъ горитъ заря.
Темны лѣса, въ водахъ струясь.
Пустынны побережя...
И держитъ рѣчь дружинѣ князь:
— Сожгу лѣса медвѣжіе.
Мой лукъ на Новгородъ согну
И кровью городъ вспѣнится...
... А темная по мху, по дну
Бѣжитъ за стругомъ вѣдьмица.
Надъ лѣсомъ туча—черный змѣй
Зарею вдоль распорота.
Рѣка кружить и вотъ надъ ней
Семь башенъ Нова-Города.
И мѣдный рогъ хватаетъ князь
Желѣзной рукавицею...

Но дрогнулъ стругъ, вода взвилась
Подъ вѣдьмой, дѣвой-птицею.
Взлетѣла вѣдьмица на щегль
И пестрая и ясная:
— Женихъ мой здравствуй, князь и соколь...
— Тебя ль ждала напрасно я.
— Люби меня!..—въ глаза глядясь,
Поетъ она, какъ пьяная...
И мертвый палецъ варяжій князь
Въ струи рѣки багряныя.

ПРИВОРОТЬ.

Покатилось солнце съ горки,
Пало въ кованый ларець.
Вышелъ ночью на задворки
Чернобровый молодець.
Въ красномъ золотѣ рубаха,
Стань—яровая сосна;
Расчесала кудри пряха—
Двадцать-первая весна.
— Что жъ не любишь, такъ не надо,
Приворотомъ привяжу,
Въ росписной полюбу-ладу,
Красный теремъ посажу—
За болотомъ въ мочежинѣ,
Подъ купальскій хороводъ,
Вырастаетъ на трясинѣ
Алымъ цвѣтомъ Приворотъ.
Парень въ лѣсъ. А лѣсъ дремучій;
Мѣсяць вытянулъ рога;
То ли вѣдмы, то ли тучи
Растянули полога.
Волчій страхъ сосеть дѣтину:
— Вотъ такъ пень! А можъ старикъ?—.

О дубовую стволину
Чешеть спину лѣсовикъ.
На лету сова мигнула:
— Будеть лихо, не ходи!—.
За корнями подсопнуло,
Кто-то чмокнулъ позади.
Кочки, пни и вотъ болото;
Парень легъ за буреломъ:
— Зачинается работа,
Завозилса чортовъ домъ!—.
Вѣдмы ловятъ мѣсяць бѣлый
Въ черныхъ космахъ, нагишомъ;
Легкій, скользкій, распотѣлый
Мѣсяць тычется ребромъ.
Навалились, схоронили,
Напустили темноты,
И въ осокѣ загнусили
Длинношеіе коты.
Потянулись черезъ кочки
Губы въ рыжей бородѣ;
Завертѣлся въ низкой бочкѣ
Куреногій по водѣ.
И почло пыхтѣтъ да гнутъся,
Шишкой скверной обростать,
Раскорякою тянутъся,
Рожи мерзкія казать:
Перегнется, раскоится,
Уши на носъ, весь въ губу...
Ну и рожка! Самъ дивится...
Гладить лапой по зубу.
Вѣдмы тиною обливаютъ
Разгорѣвшійся животь...
А по кочкамъ вырастаетъ
Ясно-алый Приворотъ.

Парень хватъ, что ближе было,
И бѣжать...—Лви! Держи!—
По болоту завопило,
Въ ноги бросились ежи.
Машутъ сосны, тянутъ лапы,
Крылья бьютъ по головѣ...
Одноногіе арапы
Кувыркаются въ травѣ.
Рано утромъ закричали
На повѣтяхъ кочета;
Рано утромъ отворяли
Красны дѣвки ворота.
По селу паленый запахъ.
Парень—камень у воротъ,
А на немъ, въ паучьихъ лапахъ,
Алой каплей—Приворотъ.

ЗАКЛЯТЬЕ СМЕРТИ.

Смерть идетъ къ подворьямъ нашимъ,
Вдовы, дѣвки, землю вспашемъ.
Раздѣвайтесь до нага:
Въ полѣ, въ полночь
Дѣвка голая страшна,
Живородная мощна.
На вдову хомуть надѣнемъ,
Землю вспѣнемъ
Сошникомъ,
Сѣемъ борозду пескомъ.
Погоняйте, запѣвайте,
Бейте въ мѣдные тазы,
Косы острыя острите,
Дикимъ крикомъ огласите
Крутогорья и низы...
Мы распашемъ твердь, твердь!
Заклинаемъ смерть, смерть!
Чуръ огневый, грянь, глянь!
По оврагамъ прянь, прянь!
Смерть тaitся, выгонь, выгонь!
Къ намъ на ровный выгонь, выгонь...
Гдѣ жъ это видано!

Гдѣ жъ это слыхано!
Чтобъ вдова сохой пахала,
Дѣвка бѣлу грудь казала,
А въ землѣ пускаль ростокъ
И всходилъ сухой песокъ:
... Крикнули кочета на селѣ,
Покраснѣла низкая луна,
И слышали—
Черезъ яры, по валежнику,
Стуча зубами,
Убѣгала черная смерть.

М А В К А.

Пусть покойникъ мирно спить;
Есть монаху тихій скитъ;
Птицѣ нужень сокъ плода;
Древу—вѣтеръ да вода.
Я жъ гляжу на дно ручья,
Я пою—и я ничья.
Что мнѣ вѣтеръ! я быстрѣй,
Ротъ мой ягоды алѣй!
День уйдетъ, а ночь глуха,
Жду я пѣсни пастуха!
Ты, пастухъ, играй въ трубу,
Ты найди свою судьбу,
Въ сизыхъ травахъ у ручья,
Я лежу—и я ничья.

ХЛОЯ.

ВЕСЕННИЕ СТИХИ.

I.

Зеленя крылья весны
Пахнули травой и смолою...
Я вижу далекие сны—
Летающую в зелени Хлою,
Колдунью, какъ ивовый пруть,
Цвѣтушую сильно и тонко.
— Эй Дафнись! И въ дремлющій прудъ,
Купая, бросаетъ козленка.
Сгѣшу къ ней, и плещеть трава;
Но скрылась куда же ты, Хлоя!
Священныхъ деревьевъ листва
Темнѣетъ къ полудню отъ зноя.
— Эй Дафнись! И смѣхъ издали...
Несутся деревья навстрѣчу;
Туманъ отъ несохлой земли
Отвель мимолетную встрѣчу.
— Эй Дафнись! Но дальній приборъ
Шумить прибережной волною...
Гдѣ встрѣчусь, о Хлоя, съ тобой
Крылатой, зеленой весною?

ГРОЗА.

II.

Лбистый холмъ порось кремнемъ;
Тщетно Дафнись шепчетъ: Хлоя!
Солнце стало злымъ огнемъ,
Потемнѣла высь отъ зноя.
Мгла горячая легла
На терновки, на щепень;
Въ душномъ маревѣ скала
Четко вырѣзала гребень.
Кто, свистя сухой листвою,
Поднялъ тѣло мѣловое?
Слышитъ сердце горній вой...
Ужасъ гонитъ все живое...
Всякъ бѣгушій, выгнувъ станъ,
Гибнетъ въ солнечной стремнинѣ—
То кричить въ полудни Панъ,
Наклонивъ лицо къ долинѣ...
... Вечеръ легъ росой на пняхъ,
И листва и травы сыры.
Дафнись, тихій, на камняхъ,
Руки брошенные сыры.

Тихо такъ звенить струя:
— Я весенняя, я Хлоя,
Я стою, вино лія.—
И смолою дышитъ хвоя.

ДАФНИСЬ И МЕДВѢДИЦА.

III.

Поила медвѣдица-мать
Въ ручьѣ своего медвѣжонка,
На лапы учила вставать,
Кричать по-медвѣжки и тонко.
А Дафнисъ, нагой, на скалу
Спускался, цѣпляясь за иву;
Охотникъ, косясь на стрѣлу,
Натягиваль туго тетѣву:
Въ медвѣжью онъ мѣтитъ чету.
Но Дафнисъ поспѣшно ломаетъ
Стрѣлу, ухвативъ на лету,
По лугу, какъ лань, убѣгаетъ.
За нимъ медвѣжонокъ и мать
Несутся въ лѣсныхъ берлоги.
Медвѣдица будетъ лизать
У отрока смуглыя ноги;
Повѣдаетъ тайны лѣсовъ,
Весенней напоить сытою,
Научить по окликамъ совѣ
Найти задремавшую Хлою.

ДАФНИСЬ ПОДСЛУШИВАЕТЪ СОВЬ.

IV.

Изъ ночного рукава
Вылетаетъ лунь-сова.
Глазомъ пламеннымъ лучить,
Клювомъ каменнымъ стучить:
— Совы! Совы! спать ли борь?
— Спать! кричить свиный хорь.
— Травы всё ли полегли?
— Нѣтъ, къ ручью цвѣсти ушли!
— Нѣтъ ли слѣда у воды?
— Человѣчки тамъ слѣды.
По травѣ, надъ зыбью водъ,
Всѣ ведутъ подъ темный сводъ.
Тамъ въ пещерѣ—бирюза—
Дремлютъ дѣвичьи глаза,
Это дѣва видитъ сны,
Хлоя дѣва, дочь весны.—
— Совы!—крикнула сова,—
Наши слушаютъ слова!—
Совы взмыли. Въ темнотѣ
Дафнисъ крадется къ водѣ.

— Хлоя, Хлоя, пробудись,
Блекнуть звѣзды, глубже высь.
Хлоя, Хлоя жди бѣды,
Вижу я твои слѣды!

У Т Р О.

V.

Слышень топотъ надъ водой
Единорога;
Встрѣченъ утренней звѣздой
Заржалъ онъ строго.
Конь спѣшитъ, узды туги,
Онъ машеть гривой;
Утро кличетъ: ночь! бѣги,
Горячь мой сивый!
Рогомъ конь лѣса зажкетъ,
Гудять дубравы,
Вѣтеръ буйныхъ птицъ впряжетъ,
И встануть травы;
Конь вздыбитъ и ввысь помчитъ
Крутымъ излогомъ,
Пламя бѣлое лучить
Въ лазури рогомъ...
День изъ тьмы глухой возсталъ,
Свой вѣнецъ вознесъ высоко,
Стали остры гребни скаль,
Встала сизою осока.

Дважды эхо вдалекъ:
Дафнисъ! Дафнисъ! повторило;
Слѣдъ стопа въ сыромъ пескѣ,
Улетая, позабыла...
Стань откинувши тугой,
Снова дикій, снова смѣлый,
Въ чащу съ дѣвушкой нагой
Мчится отрокъ загорѣлый.

I.

Рѣдѣть красный листь осины
И небо синее; вдали
За просѣками крикъ гусиный
И бѣлый облакъ у земли.
А тамъ, гдѣ спѣлую орѣшню
Подмыла сонная рѣка,
Чья осторожно и неспѣшно
Кусты раздвинула рука?
И взоръ глубокой и зеленый
Въ тоскѣ окинулъ окоемъ,
Какъ бы покинутый влюбленный
Глядится въ темный водоемъ.

II.

Въ закатѣ ясенъ свѣтъ звѣзды,
И одинокой кустъ черники
Роняетъ спѣлые плоды...
А онъ бредетъ къ опушкѣ, дикой,
И тихо въ дудочку играетъ,
Его, не стойкая, нога
На травы желтыя ступаетъ...
А воды алая въ луга
Устало осень проливаетъ...
И далеко послѣдней свистъ
Несутъ печальные закаты.
А на шерсти его, измятый,
Прилипъ полузавядшій листь.

III.

Изгибы плечь въ серебряную шаль
Охвачены, а станъ чуть согнуть строго
Въ глазахъ волна съ волной уходитъ въ даль,
Неуловимый ротъ открыть немного,
И вѣтеръ плещетъ юбкой голубой.
На берегу въ тотъ день была такой...
Ты море-ль видѣла? Иль въ немъ сиянье бога?

Глядя голову мою
Говорила мать:
— Долженъ ты сестру свою,
Мальчикъ, отыскать.
На груди у ней коралль;
Красный и сухой;
Черный котъ ее укралъ
Осенью глухой.
Мать въ окно глядитъ; слеза
Падаетъ; молчимъ;
Съ поля тянутся воза
И доносить дымъ...
Ходить, ходить черный котъ,
Ночью у воротъ.
Многіе прошли года,
Но свѣтлы мечты;
Выплываютъ города,
Солнцемъ залиты.
Помню тихій сонъ аллеи,
Въ часъ, какъ дремлетъ Лель.
Шумъ кареты и коней
И рука не мнѣ ль

Бѣлый бросила цвѣтокъ?
(Онъ теперь истлѣлъ)...
Долго розовый песокъ
Вдалекѣ хрустѣлъ.
Въ узкихъ улицахъ тону,
Гдѣ уныла глушь;
Кто измѣрилъ глубину
Сиротливыхъ душъ!
Встрѣчи, словно звоны струй—
Полнять мой фіалъ;
Но не сестринъ поцѣлуй,
Я всегда встрѣчалъ.
Гдѣ же ты, моя сестра?
Сдержанъ ли обѣтъ?
Знаю, знаю—дать пора
Въ сумерки отвѣтъ.
За окномъ мой садъ затихъ,
Дологъ скрипъ воротъ...
А у ногъ уснулъ моихъ
Черный, старый котъ.

МОЯ СЕСТРА.

1.

Когда, придя угрюмой ратью,
На садъ обрушилась гроза,
Ты наклонилась надъ кроватью,
Поцѣловала мнѣ глаза.
Ударамъ въ молнейныя брони
Я улыбался въ полуснѣ;
Твои душистыя ладони
Легли на лобъ горячій мнѣ.
Не зналъ зачѣмъ платокъ пуховый
И капоръ на тебѣ одѣтъ;
И мать заплакала въ отвѣтъ,
Сидя съ вязаніемъ въ столовой.
Шумѣли вѣтеръ и вода.
И громъ ходилъ вокругъ, играя,
И ты, душа моя святая,
Ушла въ ту полночь навсегда.

II.

Смѣялся я съ тѣхъ поръ порой легко
Рѣчамъ иного остроумца,
Но сердце брата и безумца
Всегда бывало далеко.
И городъ, шумный и сырой,
Не зналъ, что есть страна иная,
И вслѣдъ, въ поля родного края,
Пошелъ я робко за сестрой.

III.

И принялъ темный боръ меня,
Шепча о чарахъ злыхъ вѣдуній,
Шумливый на разсвѣтъ дня,
Сѣдой во время полнолуній.
Онъ обольщаль мой тихій взоръ
Свѣчей, горящей за листьями;
На днѣ загрязившихъ озеръ
Голубоглавыми скитами.
Но я, какъ птица безъ крыла,
А сердце—вечеръ предъ грозою,
И на далеко залегла
Мгла передъ дальнею стезею.
Подуйте жъ, хладные вѣтра—
Все кручь, и топь и гдѣ дорога?
Которой шла моя сестра,
Въ исканьи радости и Бога.

IV.

Присѣлъ я, путникъ утомленный,
 Ты обернулась на крыльцѣ,
 И свѣтъ обители зеленый
 Игралъ на ангельскомъ лицѣ.
 На окликъ мой—Марія, ты ли?
 Склонила, кроткая, кlobукъ,
 И четки съ шелестомъ обвили
 Прозрачность желтоватыхъ рукъ.
 Я знаю—ясными тропами
 Ты степи, милая, прошла,
 И подъ не спѣшными стопами
 Трава Маріена взошла.
 И указалъ тебѣ хранитель,
 Раскинувъ бѣлыхъ два крыла,
 Чтобъ въ эту тихую обитель
 Ты путь послѣдній довела.

V.

Къ твоимъ пришелъ цвѣтамъ и грезамъ,
 Не уготованъ и больной;
 Цѣлить меня просторъ лѣсной
 И вѣтеръ вѣющій къ березамъ.
 Но въ сердцѣ снова суета
 Не потечетъ ли темнымъ ядомъ?
 И снова я мятежнымъ взглядомъ
 Не отвернусь ли отъ креста?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ПРЕДИСЛОВІЕ	5
СОРОЧЬИ СКАЗКИ.	
Вѣдьмакъ	9
«Хозяинъ».	11
Русалка	14
Полевикъ	20
Дикій куръ	22
Иванъ да Марья	25
Башкиринъ	29
Картина	31
Водяной	33
Звѣринный царь	36
Кикимора	39
Проклятая десятина	42
Иванъ-царевичъ и Алая-Алица	45
Смирный мужъ	48
Странникъ и эмѣй	51
Богатырь Сидоръ	56
Соломенный женихъ	60
Маша и мышки	65
Ежъ-богатырь	67
Сорока	68
Мышка	70
Мудрецъ	71
Рысь, мужикъ и медвѣдь	73
Лиса	75
Коть Васька	76
Сова и котъ	78

Козель	80
Заяць	81
Рачья свадьба	83
Порточки	86
Гусакъ	88
Меринъ	90
Верблюдь	92
Муравей	94
Топоръ	96
Горшокъ	98
Пѣтушки	101
Великанъ	103
Куриный богъ	106
Серебряная дудочка	108

СОЛНЕЧНЫЯ ПѢСНИ.

Весенній дождь	117
Купальскія игрища	122
Осеннее золото	125
Заморозки	127
Пастухъ	131
Полдень	132
Золото	133
Земля	134
Трава	136
Святоство	137
Талисманъ	138
Лѣшакъ	139
Зори	140
Самаканъ	141
Лель	143
Семикъ	144
Додола	145
Лѣсная дѣва	146
Плачь	147

ЗА СИНИМИ МОРЯМИ.

Колыбельная	151
Во дни кометы	152

Обры	153
Зимний вальс	154
Скоморохи	156
Супъ	158
Москва	159
Вѣдьма-птица	160
Приворотъ	162
Заклятье смерти	165
Мавка	167
Хлюя	168
Гроза	169
Дафнисъ и медвѣдица	171
Дафнисъ подслушиваетъ совь	172
Утро	174
Фавнъ	176
Портретъ гр. С. Т.	178
Коть	179
Моя сестра	181

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

„С Л О В О“.

Содержаніе: **В. Вересаевъ.** Аполлонъ, богъ живой жизни.
Ив. Шмелевъ. Розстани. Изъ Рабиндраната Тагора, перев.
съ англ. съ пред. Діонео. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Овражки.
Ив. Бунинъ. При дорогѣ. **В. Зайцевъ.** Студентъ Бенедиктовъ.
Н. Телешовъ. Ночлеги. Ц. 1 р. 50 к.

ВЪ СПОРАХЪ О ТЕАТРѢ. Сборникъ статей Ю. Айхенвальда,
Сергѣя Глаголь, Вл. Немировича-Данченко, В. Сах-
новскаго, А. Южина (кн. Сумбатова), Д. Овсяннико-
Куликовскаго и др. Ц. 1 р. 25 к.

Л. Авилова. Образъ человѣческой. Разказы. М. 1913 г.
Ц. 1 р. 25 к.

А. Богдановъ. (Авторъ кратк. курса политической экономіи).
Краткій курсъ идеологической науки въ вопросахъ
и отвѣтахъ. Ц. 75 к.

Ив. Бунинъ. Иоаннъ Рыдалецъ. Разказы 1912—1913 гг.
Ц. 1 р. 50 к.

— Суходоль. Повѣсти и разказы 1911—1912 гг., изд. 2-ое.
Ц. 1 р. 50 к.

— Переваль. Разказы 1892—1902 гг., изд. 5-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Деревня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Разказы и стихотворенія 1907—1910 гг., изд. 2-ое.
Ц. 1 р. 50 к.

— Стихотворенія 1903—1906 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Золотое дно. Разказы 1903—1907 гг. Ц. 1 р.

И. Гольдбергъ. Тунгусскіе разказы. Ц. 80 к.

М. Горькій. «Сказки». М. 1913 г. Ц. 85 к.

С. Елпатьевскій. Крымскіе очерки, съ иллюстр. М. 1913 г.
Ц. 1 р. 25 к.

Н. Златовратскій. Избранные разказы для юныхъ читателей.
М. 1913 г., изд. 2-ое. Ц. 80 к.

Коцюбинскій, М. Разказы. Т. III. Перев. съ украинскаго.
Ф. Волховскаго и М. Могилянскаго. М. 1913 г.
Ц. 1 р. 25 к.

Ө. Крюковъ. Очерки и разказы. Ц. 1 р. 25 к.

В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Критическія статьи
(Ив. Бунинъ, М. Горькій, М. Арцыбашевъ, Л. Ан-
дреевъ и др.). Ц. 1 р. 25 к.

Иванъ Новиковъ. Разказы 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 к.

А. Серафимовичъ. Разказы. Т. V. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Сочиненія:

— Т. I. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. II. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. V. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. VI. Медвѣженюкъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др.
Ц. 1 р. 25 к.

Н. Телешовъ. Разказы, т. I. Ц. 1 р.

— Разказы, т. II. Ц. 1 р.

Н. Тимковскій. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.

Гр. Ал. Н. Толстой. Сочиненія:

— Т. I. Разказы, изд. 2-ое. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. II. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. III. Разказы. (По пути. Призраки. Минувшее.) Ц. 1 р.

— Т. IV. Сказки. Ц. 1 р.

Чеховъ, А. П. Письма, т. I. (1876—1887 гг.). Съ иллюстрац.
Ц. 1 р. 60 к., изд. 2-ое.

— Письма. Т. II. (1888—1889 гг.). Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

— Письма. Т. III. (1890—1891 гг.). Съ иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.

— Письма. Т. IV. (1892—1896 гг.). Съ иллюстр. Ц. 2 р.

- А. Черемновъ.** Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.
- Ив. Шмелевъ.** Разказы. Т. III. (Человѣкъ изъ ресторана. Патока.) М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Разказы. Т. IV. (Стѣна. Пугливая тишина. Поденка и др.). М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Разказы. Т. II. (Подъ горами. Подъ небомъ. На томъ берегу.) М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Книги, находящіяся на складѣ:

- В. Вересаевъ.** Разказы. Т. I, II, III, V по 1 р.
- Записки врача (т. IV). Ц. 1 р.
- На войнѣ. Записки. Ц. 1 р. 25 к.
- Живая жизнь. Т. I. (О Л. Толстомъ и Достоевскомъ). Ц. 1 р. 25 к.
- С. Елпатьевскій.** Разказы, т. I. Ц. 1 р.
- За границей (т. IV). Ц. 1 р. 25 к.
- Египеть, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.
- Близкія тѣни. (Воспоминанія о Н. Михайловскомъ, Н. Ггаринѣ, А. Чеховѣ и Г. Успенскомъ). Ц. 75 к.
- Н. Тимковскій.** Разказы, т. I, V и VI по 1 р.
- Т. II, IV, VII и VIII по 1 р. 25 к.
- Т. III. Ц. 50 к.
- Г. Яблочковъ.** Разказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.